

полная коллекция

Идрис и Сафия Шах

Афганский караван

Афганский Караван

«ЭННЕАГОН ПРЕСС»

Афганский Караван / «ЭННЕАГОН ПРЕСС»,

ISBN 978-5-91051-080-1

Афганский караван — это рог изобилия сведений из Афганистана: от фольклора до традиций, от знаменитой афганской кухни и рецептов трав до пословиц, национальных сказок, и даже до советов о том, как выбрать правильный афганский ковер. Обсуждается множество важных аспектов афганской истории, включая губительные вторжения Британской Империи в страну, случившиеся более полутора веков тому назад. Вместе с обновленным интересом к Афганистану книга Идриса и Сафии Шах выступает в качестве бесценного источника информации обо всем афганском, заполняя широкие пробелы общедоступных знаний.

ISBN 978-5-91051-080-1

© ЭННЕАГОН ПРЕСС

Содержание

Введение	5
Часть 1	7
Я вышла за афганца	7
Саид Абдулла	8
На «ничейную землю»	11
Трапезы и молитвы с горцами	13
В форте воинственного вождя	18
Женщины обороняют форт	20
Как воевать с афганцами	25
Страна	25
Бойцы	25
Атака на пикет	26
Как справляться с пуштунским терпением	26
Зловредные уловки	26
Отчаянные атаки	26
Афганские снайперы	27
Организованный отход	27
Грабежи и поджоги	27
Какие уроки извлекли афганцы из британского вторжения	29
Афганец на приеме у английского короля	31
Королевский двор	32
Афганский властитель принимает английского посланника	34
Домой в Афганистан	35
Часть 2	39
Перс: что мне сказать?	39
Русский: поездка полковника Гродекова 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Афганский Караван

Введение Земля, где едят и воюют

Как-то раз редактор одного журнала попросил у меня «шестьсот слов про Афганистан – ну, Вы понимаете, что от Вас требуется». Я проглядел номера журнала за год, чтобы понять характер его публикаций, и написал:

«За прославленным, суровым Хайберским проходом, где мрачные форты с бойницами охраняют владения воинственных пуштунских племен, лежит Богоданное Государство – Афганистан. И британский лев, и русский медведь бросали алчные взоры на краеугольный камень Азии, на страну, которую Природа наделила незабываемыми видами и семьюдесятью сортами винограда».

И тому подобное. Редактор позвонил мне: «Все это общеизвестно. Напишите что-нибудь такое, чего читатели не знают».

Я начал сызнова:

«Одна из величайших мировых религий – зороастризм – возникла в Афганистане, и там же родились некоторые из крупнейших ученых средневековья; высоко над миром расположилась эта диковинная полиэтническая страна. Промежуточная станция на Шелковом пути из Китая в Рим, она произвела на свет таких великих мистиков, как Руми и Аттар. На протяжении веков здесь властвовал буддизм, который распространялся отсюда по всему Востоку».

Дальше в том же духе.

Ответ пришел по телексу:

ТУМАННО. НЕВРАЗУМИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ С
НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМ УКЛОНОМ, НАПОМИНАЮЩАЯ
ПРЕТЕНЗИИ РУССКИХ НА ИЗОБРЕТЕНИЕ РАДИО ПОПОВЫМ.
НАПИШИТЕ, ЧТО В АФЛАНДИИ ЕДЯТ И КАК ВОЮЮТ.

Дело было за полночь; печатать под мою диктовку было некому, и машинка потревожила бы домашних. Я достал кассетный магнитофон и зашептал в него:

«Палау, который у турок и других народов получил искаженное название пилаф или плов, был изобретен, или открыт (так гласит легенда) в Афганистане. Однажды, когда люди Чингисхана, несметной ордой спустившиеся на плодородные равнины, готовили мясо, часть жидкости пролилась на рис, высыпавшийся из мешка. Монголы, никогда прежде не издававшие риса, отведали его с ароматными травами, изобильно растущими в Афганистане. Так возник палау».

Еда, война, история, местный колорит – все вместе. Я продолжил:

«Афганская пища идеальна для походных пайков. Снова и снова воины непобедимых армий, будь то войско Моголов, захватившее Индию, или люди

султана Газни, который создал империю, подкрепляли силы свежей бараниной, йогуртом, белым изюмом и высушенным на солнце хлебом. Темы еды и войны, переплетаясь, звучат в горной Азии постоянно: одному воину, который ввел в питание ратников то, что британцы считают изобретением лорда Сандвича, был пожалован город Кандагар».

И так далее. Редактор затем сделал компиляцию из моих компиляций. Афганистан именно так всегда на тебя и действует: непонятно, с чего начинать, чем заканчивать. Говорить вначале о «стране высоко поднятых флагов»? О Кабуле – якобы «городе Каина»? Об Александре Македонском? О месторождениях лазурита? О бадахшанских рубинах?

Как бы то ни было, давайте начнем. Забирайтесь на вашу великолепную арабско-монгольскую лошадь и присоединяйтесь к моему афганскому каравану.

Идрис Шах

Часть 1

Глядим друг на друга...

Я вышла за афганца

Мораг Марри – не первая шотландка, оказавшаяся среди афганцев: в 1890-е годы придворным врачом Абдуррахман-хана была женщина из Шотландии. Но Мораг, юная студентка из Эдинбурга, вышла замуж за сына афганского вождя и в начале 1920-х стала хозяйкой цепи крепостей в приграничной зоне, которую и ныне называют ничейной землей...

Шел 1916 год. Бушевала война. Один за другим уходили эшелоны с новобранцами. Улицы Эдинбурга были полны раненых. Все старались что-то делать для фронта. До той поры я много времени уделяла живописи, но теперь мне захотелось прекратить эти одинокие занятия и побыть среди людей, чтобы оправиться от потрясения, вызванного известием о гибели брата во Франции. Приятельница посоветовала мне устроиться бесплатной работницей на склад бинтов и сфагнума или на склад флагов. Я выбрала последнее и усердно трудилась, готовя ящики и флаги для сотен продавцов, а потом сама стала торговать флагами с 5.30 утра до 6 вечера.

В один из таких дней заведующая складом предложила мне пойти на торжественный прием в университет. Были приглашены все девушки, добровольно продававшие флаги. Мой отец высказался о приглашении отрицательно и нелестно отозвался о «студентах-шалопах», которых я там встречу. В конце концов он все же позволил мне пойти с условием, что я вернусь не позднее десяти вечера. Это значило, что мне можно провести в университете только два часа, но я, у которой прежде было крайне мало подобных развлечений, пришла в чрезвычайное волнение.

И вот день наступил. Я все свободное время посвятила наряду. На мне была юбка из розовой тафты, розовые туфли и чулки, в волосах – двойной ряд розовых мускусных роз. Когда я пришла, прием уже начался. Среди профессоров и множества студентов мне стало не по себе, и я пожалела, что явилась. Дама, которая пригласила меня, познакомила меня со студенткой и оставила нас вдвоем. Там были люди всех национальностей – я смотрела, как они входят, иные страшно нервничали, мне забавно было это видеть, и я почувствовала себя уверенней. Большой зал наполнялся, гости стягивались к стенам.

И тут вошел студент восточного вида. Он не был похож на других. Я недоумевала, какой он может быть национальности, и спросила у новой знакомой.

– А, это Саид Абдулла. Кажется, сын какого-то индийского пограничного вождя. Он жутко умный. Хочешь, познакомлю? Я хорошо его знаю.

Одно дело увидеть, другое дело познакомиться, и я нервно ответила: «Нет, не сейчас». Тем не менее я проводила сына вождя взглядом через весь зал.

Он шел с очень прямой осанкой и выглядел так, как по расхожему представлению может выглядеть статный, красивый шейх. Высокий, с точеным лицом и неистовой шевелюрой, он был вместе с тем лишен всякого чванства. Я видела, что он держится естественно. В его поведении вызов соединялся с беспечностью, и я не могла оторвать от него глаз. Для меня он был главным актером на сцене. Как восхитительно, думала я, он кланяется вон тем женщинам! И как жаль, что я не в их числе, что я стою в другом углу! С другой стороны, я была рада, что могу наблюдать за ним, сама оставаясь полускрытой. Он оглядел зал, как завоеватель оглядывает побежденные легионы, но в его взоре не было никакого высокомерия. Он не смотрел ни на кого в особенности.

Он двинулся в нашу сторону!

– Он идет сюда! – взволнованно сказала я студентке, вся охваченная смятением. – Не подзывай его ближе, – шепнула я, но поздно: она уже заговорила с ним, и он одарил ее своим неподражаемым поклоном. Они стояли совсем близко от меня, но я по-прежнему пряталась за другими гостями, и девушке пришлось вытащить меня за руку.

– Познакомься, это Саид Абдулла, мы учимся вместе. А это Мораг Марри.

Он поклонился теперь уже мне, а я, оказавшись лицом к лицу с тем единственным, с кем мне хотелось тут познакомиться, вдруг смутилась настолько, что не могла поднять глаз и от всей души желала провалиться сквозь землю. Девушка оставила нас вдвоем, и мой новый знакомый предложил принести мне чаю.

Все это напоминало какой-то сон: ни с того ни с сего меня вдруг позвали на университетский прием, а теперь мне прислуживает такой кавалер! Саид Абдулла вернулся с чашкой чаю и шоколадным пирожным. Обретя дар речи, я поблагодарила его и спросила, почему он себе ничего не принес.

– Мы, горцы, пьем только зеленый чай, а этот черный не любим. И мы же воины, зачем нам сахарные пирожные?

Как чудесно он разговаривал! «Горцы», – сказал он. Значит, можно поговорить с ним о моих любимых шотландских горах – он поймет. Мы стали беседовать о моих и его горах, и вдруг, как Золушка, я увидела, что уже пол-одиннадцатого. Я же обещала отцу быть дома в десять, и вот, в первый раз выйдя на люди, нарушила слово!

Мне стало не по себе. «Ох!» – воскликнула я. Мне уже следовало быть дома. Папа будет сердиться. Что делать? Уже полчаса опоздания, а еще нужно время, чтобы добраться.

– Где вы живете?

Чуть не плача, я сказала ему, где.

– Я могу отвезти вас домой в своей машине с вашей спутницей.

Спутницу я нигде не могла найти и, признаться, не очень-то хотела. Несколько минут спустя Саид Абдулла и я уже мчались в его маленькой машине к моему дому. Я разрывалась внутренне между наслаждением от пребывания в таком обществе и боязнью того, что отец в этот поздний час увидит, как я возвращаюсь с незнакомым молодым человеком.

Я быстро выскочила из машины. Мой провожатый стоял передо мной. Опасаясь, как бы нас не увидел отец, я торопливо сказала:

– Спокойной ночи, и спасибо вам!

– Спокойной ночи. Надеюсь иметь удовольствие снова увидеться с вами, – ответил Саид Абдулла и поцеловал мне руку. Боюсь, даже при свете уличных фонарей со стороны было видно, что мы не хотим расставаться.

– Мой отец не позволит мне еще раз с вами увидеться, – огорченно сказала я и взбежала по ступенькам к двери. Открывая ее, я оглянулась на провожатого, который все еще стоял на тротуаре. Я быстро захлопнула дверь и, пока не уснула, думала только о том, как Саид Абдулла смотрел на меня, говорил со мной и заботился обо мне.

Утром я проснулась поздно. Меня ждало письмо:

Пожалуйста, Мораг, окажите мне честь выпить со мной чаю сегодня в 4 часа в «Мэккиз».

Саид Абдулла

Перспектива скорой встречи привела меня в такое волнение, что день, казалось, тянулся бесконечно. Сказав родителям, что меня пригласил на чай друг семьи, я вышла из дому за час: боялась опоздать, хотя до кафе было всего несколько минут ходу.

В 3.30 пришел Саид Абдулла, и я вдруг сделалась молчаливая. Мы сидели за столиком у окна и смотрели на парк Принсез-стрит-гарденз. Мало-помалу я рассказала ему о старом доме, откуда мы уехали год назад, о моих домашних животных в деревне – и о брате.

– Мне очень-очень жаль вас, бедное дитя, – промолвил он с таким сочувствием, что я расплакалась. Он переменял тему и заговорил о родных местах, о форте на «ничейной земле» в Хайберском проходе, где он жил, и, заслушавшись его рассказов о соплеменниках, я забыла про свою горе.

Когда он повел речь о воинах на его родине, взгляд у него стал напряженным, испепеляющим, но, едва он вспомнил о матери и сестрах, его глаза наполнила прямо-таки женская мягкость.

Время пробежало очень быстро, подобно всякому счастливому времени, и мы оглянуться не успели, как настала пора прощаться.

– Неужели и правда пять часов? – спросил мой друг, и меня обрадовало, что для него тоже время прошло незаметно.

После этого мы встречались почти каждый день: ездили на Брейд-хиллз, где шла игра в гольф, пили там чай в отеле и были до смешного счастливы. Тем не менее он, хоть и всегда с нетерпением ждал встречи и ему явно было хорошо в моем обществе, никогда не целовал меня и говорил только о повседневных вещах. Когда мы прощались, он подносил мою руку к губам. Теперь он не был похож на восточного шейха из кинокартины! Он не произносил таких слов, какие произносят в фильмах, и даже не говорил мне, что я ему нравлюсь, хотя по его доброму, заботливому отношению я чувствовала, что это так. Иначе ему бы не хотелось видиться со мной так часто.

Примерно в это время, через несколько месяцев после нашего знакомства, мой отец сказал, что хочет поговорить со мной.

Из Франции, объяснил он, в отпуск должен приехать сын его друга детства, и два отца подумали, что мы могли бы обручиться, а когда война кончится, и пожениться. Ведь мы раньше с Роем хорошо ладили.

Я ответила, что не хочу ни обручаться с Роем, ни выходить за него.

Известно ли было уже моему отцу про Саида Абдуллу, я не знаю; если было, он вел себя очень дипломатично и хорошо скрывал свою осведомленность. Я рассказала ему про своего друга-студента. Он выслушал меня до конца и затем категорично заявил:

– Мораг, эта дружба должна прекратиться. Я запрещаю тебе видиться с этим восточным студентом, а если ты ослушаешься, непременно обращаюсь к университетским властям. Теперь садись и пиши, что я тебе продиктую.

Я села и написала письмо под диктовку отца, ходившего взад-вперед по комнате:

Саид Абдулла!

Я не смогу больше с Вами встречаться и надеюсь, что Вы не будете пытаться меня увидеть. Я намерена обручиться и стать невестой, и в этих обстоятельствах наши встречи, как Вы понимаете, должны прекратиться.

Мораг Марри

Отец сам пошел на почту отправить письмо. Я была слишком ошеломлена, чтобы плакать. Все мое бывшее несчастье вернулось. Вчера я была счастлива, сегодня – в бездне отчаяния.

Вечером я стала умолять отца пригласить к нам Саида Абдуллу и поговорить с ним. Но отец сказал, что его слово окончательное и что я, помня о недавнем горе, которое мы пережили, не должна огорчать его и мать непослушанием.

На следующий день в Эдинбург приехал Рой. После госпиталя ему дали десятидневный отпуск. Разумеется, я была рада приветствовать героя войны, но в мыслях у меня был только Саид Абдулла. Что Рой обо мне подумает? Как низко я упаду в его глазах!

Не в силах вынести разлуку и неопределенность, я письмом сообщила Саиду Абдулле, что предыдущее послание было написано под давлением отца, и попросила о скорой встрече.

Посыльный принес ответ в тот же вечер: Саид Абдулла ждет меня на вокзале Каледониан-стейшн. Не слишком романтическое место свидания!

Я торопливо надела пальто и шляпку и всю дорогу бежала. Он был на условленном месте. Я так рада была его увидеть, что хотела броситься ему на шею, но он посмотрел на меня с такой печалью, что я почувствовала весь ужас случившегося за последнее время.

– Мораг, – сказал он. – Я уже решил, что вы не придете. Я очень по вас скучал.

– Я тоже, – сказала я.

– Моя машина стоит снаружи. Давайте поедem на Брейд-хиллз и поговорим.

Мы не разговаривали, пока не оказались на холмах. Саид Абдулла пребывал в глубокой задумчивости.

– Ваше письмо, – начал он, – было для меня полной неожиданностью. Если бы вы сказали мне раньше, я не опечалился бы настолько.

– Мне пришлось его написать, мой отец был страшно рассержен, – принялась оправдываться я.

– Я хочу, чтобы вы поняли: у нас – то есть в моем племени – на женщин смотрят с огромным уважением. Заботу, которой мы их окружаем, и наше желание уберечь их от всякого вреда кое-кто понимает так, будто мы превращаем их в рабынь. Это неправда. Мы их боготворим, и в наших горах нет преступления тяжелее, чем похищение девушки. Я не хочу посягать на чужую невесту. Там, где я живу, из-за этого началась бы межплеменная война, которая длилась бы до уничтожения всех мужчин из племени виновника.

– Нет, нет, вы не должны так думать. Я ни с кем не обручена. Мой отец и его друг хотят этого брака, вот и все. Я не выйду замуж за Роя Грэма. Он не настолько мне нравится.

– Мораг, есть ли хоть один среди ваших соотечественников, за кого вы хотели бы выйти замуж?

– Нет, – ответила я.

– И вы не обязаны подчиняться отцу и выходить за того, на кого он укажет?

– Не обязана.

– Значит, вы свободны, и я хочу вам сказать, что люблю вас с первого же дня, когда увидел вас на приеме, и всегда буду вас любить. Если я добьюсь разрешения от моего и вашего отца, выйдете ли вы за меня замуж?

– Да, – сказала я.

Мы долго там простояли в тот вечер, безумно счастливые, не в силах расстаться.

На следующий день мы встретились и обсудили будущий визит Саида Абдуллы к моему отцу. Днем позже Рой должен был отправиться обратно во Францию, и мы решили устроить так, чтобы Саид Абдулла пришел на завтра после его отъезда. Моя мать сказала, что будет рада, если мой друг придет к чаю, и я предоставила ей уладить дело с отцом. День настал, и к чаю явился Саид Абдулла. Мама была очарована им, но мой отец, когда они разговаривали после чая, сказал ему, что я слишком молода для замужества, что я выгляжу старше своих лет и что он согласия не даст.

Саид Абдулла послал телеграмму своему отцу. Ответ был коротким: «Категорически запрещаю».

Мы с Саидом были в смятении. Пришла новая телеграмма: «Жди важного письма». Оно явилось недели спустя. Вождь писал, что думает о переговорах по поводу брака между Саидом Абдуллой и дочерью влиятельного вождя соперничающего племени. Если согласие будет

достигнуто, решение отмене не подлежит, ибо у пуштунов помолвка не может быть разорвана. Он указал и на то, что я не мусульманка. Он спросил, происхожу ли я из воинственного горского клана и смогу ли, если потребуется, оборонять форт.

Саид телеграфировал в ответ, что я принадлежу к горскому клану, хочу принять мусульманство и что он ручается в моей способности защищать любой форт!

Ответ гласил: «Если вы с ней уверены, что способны всю жизнь хранить верность друг другу, вступайте в брак и по восточному, и по западному закону, а потом мы сыграем свадьбу здесь, в древней твердыне твоих предков. Благословляю вас обоих! Храни вас Аллах! Даю вам свое разрешение».

На «ничейную землю»

Согласие вождя успокоило и обнадежило нас, но мой отец по-прежнему и слышать не хотел о помолвке, и целыми днями до поздней ночи мне приходилось выслушивать бесконечные истории о девушках, вышедших замуж за мусульман и увидевших по приезду на родину мужа, что он уже женат, причем, может быть, и не на одной, и что судьба новой жены – рабски прислуживать новым родственникам, пока наконец ей, голодающей или брошенной, не протянет руку помощи миссионерская организация.

Звучали жуткие истории о британских девушках, таинственно убитых или пропавших без вести. Мне было сказано, что на Востоке всех женят еще в колыбели, что с вероятностью 90% Саид Абдулла уже состоит в браке, что дома он вернется к диким обычаям своего племени и что либо мне подмешают в пищу толченное стекло, либо меня превратят в прислужницу его родни, женская часть которой будет бешено ревновать его ко мне. Вдобавок меня регулярно будут бить.

Поначалу мне стыдно было пересказывать подобное Саиду, но потом я решила дать ему возможность опровергнуть эти слухи. Он был вполне осведомлен о западных мнениях и сказал мне, что большинство таких историй исходит от женщин, которые вышли за мусульман, считая их принцами и рисуя в воображении роскошную жизнь во дворце Аладдина. А когда оказывается, что нет ни принца, ни дворца, они «пускаются во все тяжкие» с теми случайными местными европейцами, кого им удастся на это подбить, и в конце концов, если им везет и хватает бесстыдства, возвращаются на родину, лишённые всяких иллюзий. Большинство знакомых уверяли меня, что на Востоке живут в глинобитных хижинах, ходят полуодетые, что они язычники и дикари.

Саиду, с другой стороны, сородичи втолковывали, что взять западную жену – большая ошибка. Мол, все западные женщины одинаковы: ждут, когда их отвезут на Восток, а там танцуют и пьют со своими соотечественниками, флиртуют с чужими мужьями, и кончается тем, что с ними просто невозможно становится жить. А потом, вернувшись домой, пишут бульварные «воспоминания», которые издатели только рады публиковать.

Саид подчеркивал, что обитатели Хайбера – не индийцы, и, послушав его рассказы о тамошней жизни, я очень захотела разделить ее с ним.

Моя тетя заявила, что у нее, когда она узнала о моих намерениях, было два приступа слабости и несколько обмороков. Она надела на меня, явившись в сопровождении адвоката, типичного дельца и крючкотвора. Он показал мне ее завещание, сулившее мне всё, чем она владела в этом мире, и все ее будущие молитвы в мире ином, если я выйду замуж за того, кому предназначил меня отец. Возражений она и слышать не желала, уверенная, что стремление получить ее солидное состояние перевесит сомнительную перспективу жизни в чужих горах, где у каждого мужчины как минимум четыре жены!

Каждый день в течение недели она приходила ко мне со своим адвокатом. Я так и не вняла ее уговорам, и в конце концов она составила новое завещание, которое мои родители подписали как свидетели. Она оставила всё приюту для бездомных кошек.

Когда мой отец увидел, что я не поддаюсь влиянию, он нехотя разрешил Саиду Абдулле бывать у нас дома. Они стали хорошими друзьями, и не прошло и трех месяцев, как мы поженились. Три влиятельных мусульманина, находившихся тогда в Эдинбурге, пришли к нам домой, и очень простой обряд был совершен в нашей гостиной. Один выступил в роли священнослужителя, двое других были свидетелями. Мне трижды задали один и тот же вопрос:

– Берете ли вы в мужа Саида Абдуллу, сына вождя Секундер-хана, и принимаете ли тысячу фунтов в качестве брачного дара?

Потом настала очередь Саида:

– Берете ли вы в жены Мораг Марри, дочь Джеймса Марри, и согласны ли передать ей тысячу фунтов в качестве брачного дара в любое время вашей жизни, когда она того пожелает, а если она такого желания не выскажет, согласны ли вы, чтобы после вашей смерти это была первая выплата из наследственного состояния?

Трижды прозвучал этот вопрос, и трижды ответ был утвердительным.

Затем спросили двоих свидетелей, слышали ли они, как вступающие в брак согласились с условиями контракта, и готовы ли это засвидетельствовать. Прочли главу из Корана, предписывающую сторонам исполнять брачное соглашение и жить во взаимной любви и преданности, после чего соглашение было составлено на бумаге. Мой муж, я, духовное лицо и оба свидетеля подписали его. Церемония была окончена. Она прошла в строгом соответствии с мусульманскими законами (я до этого приняла мусульманство с его простой верой в единого Бога и пророка Мухаммеда).

В следующем году у нас родилась дочь. Это произошло во время ужасной эпидемии инфлюэнцы, когда мой муж лежал в больнице и выздоравливал. Желая его подбодрить, мой отец сообщил ему новость. В ту же ночь в двенадцать часов няня, которая была у нас, услышала какие-то звуки за дверью дома. Открыв, она увидела на крыльце съездившегося, насквозь промокшего мужчину, на котором были только пижама и халат. Это был Саид. Ему не разрешили выписаться из больницы, потому что он не вполне поправился, и тогда он просто убежал! Он проделал четыре мили пешком, и это подорвало его силы. Он несколько часов пролежал без памяти, и у него случился рецидив, от которого он едва не умер.

Вскоре после этого наступило Перемирие. Колокола и сирены многим из нас не принесли той радости, которую чувствовали другие, но по крайней мере мы испытали облегчение и в первом порыве новообретенной свободы поклялись стать лучше, чем были прежде!

Некоторые доброжелатели советовали мне не сообщать родным мужа о рождении девочки: повсюду на Востоке, говорили они, ценятся только сыновья.

Но я, судя о будущем отклике свойственников по отклику мужа, телеграфировала им и, к своему бесконечному облегчению, получила такой ответ: «Глава племени и все его члены посылают благословения новорожденной малышке. Да пребудет благословение Аллаха и на Вас! Мы надеемся отпраздновать событие в наших горах и готовимся к вашему приезду. Мир вам!»

За телеграммой последовало и письмо с просьбой приехать как можно скорее. Но долгое, утомительное путешествие с таким маленьким ребенком было бы для нас слишком тяжелым испытанием, и наши измотанные войной нервы и полуголодные тела требовали отдыха. Лишь два с половиной года спустя мы отправились в Хайбер.

Няня-шотландка оставила нас в Карачи, и я наняла индианку с гор, у которой была хорошая рекомендация.

Дорога заняла два дня; погода, к счастью, была прохладная. После того, как мы пересекли Инд, местность изменилась, и нам начали попадаться мужчины иного вида, чем прежде:

высокие, менее смуглые, одетые в мешковатые штаны, вышитые безрукавки и свободные, свисающие поверх штанов рубахи, с тюрбанами на голове.

Близ Пешавара я увидела пашущих крестьян с винтовками за плечами. Когда поезд остановился у обнесенного колючей проволокой вокзала, в него вошли вооруженные пуштуны из военной полиции, чтобы проверить наши документы. Было полное впечатление, что мы въехали в военную зону и находимся на подозрении. В тех краях действительно подозревали всякого, пока он не доказывал свои благие намерения.

Убедив военную полицию, что прибыли не для свержения властей, мы отправились в городской дом вождя. Снаружи он выглядел не слишком приветливо: мрачные стены, хмурые окна-бойницы. Внутри, однако, оказалось очень уютно.

Из Пешавара, последнего города перед северо-западной границей, мы двинулись по Афганскому тракту. Целью нашего путешествия была «свободная земля» между Британской империей и королевством Афганистан.

Дорога шла через Хайберский проход. Громадные скалы, возвышаясь уступами где на двести, а где и на триста метров, внушают здесь путнику особый страх. Кое-где проход настолько узок, что четыре верблюда не могут двигаться в ряд. На границе как таковой стоит турникет, после которого начинается «ничейная земля». Турникет выглядит малозначительным. Ему следовало быть внушительней – ведь это ворота, ведущие в одно из наименее изведанных и самых замечательных мест на земле, в край, населенный племенами, подчиняющимися только своим вождям, где люди живут в башнях с бойницами, всегда вооружены и даже спят, не расставаясь с винтовкой. Некоторые из величайших мировых империй пытались их покорить – но тщетно.

И вот, пройдя через простой турникет, я попала в этот таинственный край. Ненадолго, должна признаться, у меня возникло чувство, что в том, о чем мне говорили в далеком Эдинбурге, возможно, есть доля истины. Несколько секунд я простояла в изумлении. Не сон ли это? Может быть, я сейчас проснусь и увижу, что я в Шотландии?

Я оглянулась на последний аванпост моей родины, и мне стало ясно, что если события обернутся против меня, возврата не будет. Такой минуты я не пожелаю никому из тех, кто не убежден в своей способности храбро встретить все, что его ждет в этих горах.

Мой муж, кажется, понял мои переживания.

– Добро пожаловать, – промолвил он, – на землю моих отцов.

Это рассеяло мрачные чары. Я успокоилась.

– Саид, – сказала я. – Я полагаюсь на тебя. Ты понимаешь, что у меня здесь, кроме тебя, никого нет.

– Мы с тобой всегда будем вместе, Мораг, – ответил он. – Пока я дышу, я буду защищать тебя ценой своей жизни.

И мы двинулись в путь. Когда британский аванпост наконец скрылся из виду, Саид сказал:

– Если ты пожалела о своем решении, есть еще время вернуться. Есть еще время, чтобы мы вернулись.

– Нет, мы не возвращаемся, – ответила я. – По крайней мере пока что.

Трапезы и молитвы с горцами

Одно дело читать о местах за Хайберским проходом, другое дело быть там. Мрачный Хайбер теперь показался мне дружелюбным. Я почувствовала, что отдана на милость всего, что могло таиться за этими жуткими каменными глыбами. Словно я что-то оставила за этим турникетом; я могла только надеяться, что не отвагу! Ни грана приветливости не было в этих голых холмах. Впрочем, времени на все эти мысли у нас было немного: вскоре мы соединились

с группой соплеменников мужа, которую послали нам навстречу, едва мы несколько углубились в Свободную землю пуштунов – так они называют этот край.

Все это были молодые люди – высокие, прямые, гибкие. Они по очереди обнялись с моим мужем, поздоровались с нами обоими и дали ружейный залп в воздух, воскликнув на своем мелодичном пушту: «Добро пожаловать на землю свободных! Привет невестке нашего благородного вождя!» Эти люди двинулись впереди, расчищая, так сказать, дорогу, мы же неторопливо ехали за ними на наших пони. Ужасы, о которых я слышала и читала на моей почти уже немыслимой родине, представились сейчас далекими и нестрашными. Даже если бы вдруг понадобилось проявить отвагу, на этих доблестных воинов можно было бы спокойно рассчитывать.

Мы ехали и ехали; скалам, казалось, не будет конца. Раньше я и вообразить не могла таких гор. Вперед и вперед, пока не настало время подкрепиться. Трудно было представить себе, где тут можно раздобыть еду, но за очередным поворотом оказалось жилище местного хана. Поистине надо быть уверенным в здешнем гостеприимстве, когда пускаешься в путь с отрядом в тридцать человек; с немалыми опасениями я поняла, что мы намерены положиться на доброту этого хана.

Когда мы приблизились к обнесенному стенами форту (до форта, где обитал мой свекор, оставалось около тридцати миль), часовые окликнули нас:

– Друзья или враги?

– Друзья, и мир вам! – ответили наши люди.

– Добро пожаловать, и мир вам! – сердечно (и, вероятно, с облегчением) отозвались часовые. Ворота открылись, наша охрана расступилась и, дав нам въехать на пони, тут же последовала за нами и закрыла за собой ворота. Спешиваясь, я заметила, что у ворот стоят двое часовых.

Хан оказался рослым, дородным, веселым человеком, вооруженным, одетым в шальвары и долгополый расшитый кафтан, с огромным тюрбаном на голове. Он оказал нам истинно горское гостеприимство. После долго перехода не очень-то хотелось выслушивать приветственные речи, но обычай этого требовал, и кто-кто, а старый хан умел принять людей как следует. Явилась служанка и взяла на руки Маргарет, нашу маленькую дочурку, а две другие пригласили меня следовать за ними. Мы пересекли двор и вошли в дом. Здесь нас ждало еще одно приветствие; затем нас с Маргарет отвели в женские покои, а Саид остался снаружи. В помещении были толстые стены и маленькие окна, пол покрывали персидские и бухарские ковры, к голым выбеленным стенам были прислонены огромные подушки-валики. По-видимому, это была семейная гостиная. Благодаря отсутствию картин, орнаментов и мебели она располагала к покою и отдыху.

Я сняла бурку, в которую вся была укутана, и, сев на большую подушку, вздохнула с облегчением. Здешние женщины – жена хана и три его взрослые дочери – никогда раньше не видели уроженку Запада и пришли в явное восхищение. Они окружили меня (служанки держались на втором плане), стали осматривать мою одежду, завели мои часы и не успокоились, пока я не показала им все, что ношу! Они спрашивали о ценах и говорили так много и быстро, что все мои скудные познания в языке пушту покинули меня и я в смятении умолкла.

Маргарет упоенно играла с одной из дочерей, изобретая свой собственный язык. Выглянув в окно, я увидела, что мужчины молятся, преклонив колени на своих ковриках и повернувшись в сторону священной Мекки.

Служанка постелила на полу посреди комнаты большую белую скатерть, и на безукоризненно чистых тарелках нам подали огромные порции восхитительно приготовленного риса (у нас так никогда не готовят) с маленькими кружочками жареного мяса. Мужчины ели отдельно. С именем Аллаха на устах мы, скрестив ноги, расселись на ковре и стали есть пальцами. Маргарет попросила ложку, которая у меня, к счастью, была с собой, и без дальнейших затрудне-

ний я приступила к своей первой трапезе на «свободной земле». Я заметила, что здесь не принято разговаривать и смотреть друг на друга во время еды, и этот элемент застольных манер пришелся мне очень даже кстати.

Женщины были так рады мне, что не могли скрыть разочарования, когда нам настало время двигаться дальше. Вновь они осторожно ощупали всю мою одежду и вручили мне в качестве прощального подарка расшитые золотом туфли без задников, взяв с меня обещание, что если мне еще раз случится проезжать мимо, я непременно «принесу свет в их дом» своим посещением.

Опять облачившись в бурку, я с дочерью присоединилась к отряду. Женщины за решетчатой оградой трещали как сороки. Хан устроил нам пышные проводы. Он поблагодарил нас за честь, оказанную его дому, и усилил наш отряд эскортом из десяти своих людей. Вдобавок он подарил нам двух великолепных коней с изысканной сбруей. С их ушей свисали большие кисточки, с наглазников – серебряные полумесяцы, вокруг шеи шла широкая красная лента. Кисточками были украшены и седла, на уздечках позвякивали бесчисленные крохотные колокольчики. Эту сбрую, по словам хана, подарил его отцу бухарский эмир. Она выглядела совершенно как новая и, должно быть, хранилась так бережно, как хранят дорогие вещи те, у кого их немного. Сев на лошадь, я пожалела о былой свободе, когда мне не нужны были ни седло, ни бурка, но делать нечего – приходилось следовать обычаям края.

Наш эскорт был под стать императору. Люди были увешаны оружием, и я гадала, когда его придется пустить в ход в этой стране демонстративного гостеприимства и прохладной отчужденности. Забегая вперед, скажу, что ждать мне пришлось недолго! Обязанностью этого местного вождя было защищать нас от воинственных племен на своей территории, и охрана самим своим видом должна была показывать, что мы важные путники.

Мы отправились. Наши люди прокричали оставшимся пожелания мира и слова прощания, которые отдались эхом от холмов, и второй наш визит был окончен.

Я начала приглядываться к сопровождающим нас всадникам. Среди них даже отъявленный трус мог бы чувствовать себя в безопасности. На некоторых поверх расшитых безрукавок были надеты постины – большие меховые полушубки с серебряными пряжками. У каждого через плечо была перекинута винтовка, на поясе висел длинный кинжал, грудь пересекал патронташ. Они не полагались на везение! Их черные волосы были коротко подстрижены, большинство, несмотря на молодость, носили бороды. Каждый выглядел закаленным и бесстрашным бойцом. Они походили на орлов. Двое наигрывали на тростниковых свирелях дикие, воинственные мелодии, другие били в маленькие барабаны – а процессия наша тем временем двигалась меж иссохшихся холмов, минуя одну глубокую расселину за другой.

Мы то оказывались среди огромных каменных глыб, то шли через заросли кустарника почти без единого зеленого листочка. Время от времени вспархивала потревоженная нами куропатка или бросался прочь заяц. Потом свирель и барабаны умолкли, и наступила глубокая тишина, которую нарушало лишь цоканье подков по камням, слегка отдававшееся эхом от скал.

Через несколько часов мы, несмотря на щедрое угощение, которого нас удостоил радушный хан, опять проголодались! Мы спешили, чтобы подкрепиться. Мне как женщине разрешили сесть где мне нравится. Казалось, что приготовление пищи займет много времени, – но нет. Сложили примитивный очаг, нашли дрова, зажгли огонь. Только что зарезанных курдючных овец невероятно быстро зажарили целиком прямо в шкурах. Из багажа достали жестяные тарелки. В мясной подливке приготовили восхитительно вкусный тушеный рис.

В первый раз в жизни я увидела великое единство соплеменников, которые сели за общую трапезу невзирая на разницу в положении. По мусульманскому обычаю, за едой, в бою и во время молитвы все мужчины равны.

Я была изумлена. Я словно смотрела фильм, сидя в уютном кинотеатре. Может быть, из-за голода, может быть, из-за новизны мясо показалось мне таким вкусным, какого я в жизни еще не пробовала. Ароматное и сочное, зажаренное в самую меру, оно имело отчетливый ореховый привкус свежайшего деревенского масла. Ели молча, ибо считается неприличным говорить после того, как было молитвенно произнесено имя Аллаха, и до того, как Ему будут вознесены хвалы за добрую пищу и здоровье, позволившее ее съесть.

Ни разу ни один из этих мужчин не повернул головы, чтобы посмотреть в мою сторону. Я была их гостьей и могла удобно расположиться, распахнув бурку и не опасаясь пристальных взглядов. Простота этой трапезы навела меня на мысль, что столы, стулья, скатерти и столовые приборы – ненужная роскошь.

Мой муж как почетный гость подал знак к завершению трапезы. Считалось, что когда он кончит, должны кончить и все остальные. Ему пришлось дать другим фору, потому что его аппетит был куда меньше, чем у сородичей. Он нарочно ел так медленно, как только мог, ведь по правилам тарелка гостя не должна пустовать.

Забавно было видеть, как Саид оглядывал чужие полные тарелки. Мне понятно было, о чем он думает, – что надо жевать подольше, пока все не доедят! Но, как он ни медлил, он все-таки кончил раньше других и принялся грызть корочку хлеба. Его сородичи, увидев это, мигом прекратили еду и тоже взяли корочки. Я поступила в точности как они. Когда корочки были съедены, двое мужчин омыли нам руки водой из козых бурдюков, после чего мой муж воздел руки к небу и, повернув их кверху ладонями, медленно произнес благодарственную молитву Аллаху, источнику всякого добра. Мужчины, сложив ладони, поднесли их к лицам и повторили благодарность единому Богу, «который принес всем добро, и пищу и мир». Трапеза была окончена – самая простая, трогательная и волнующая из всех, в которых я когда-либо участвовала. Мы встали с ковров (все мусульмане берут с собой ковры в такие путешествия) и выпили воды – это делают только после трапезы.

Мы опять сели в седла и пустились в дорогу по извилистым проходам между скал. Иные из этих теснин были неопишимо мрачны и негостеприимны, и легко было представить себе, что они ведут в логово разбойников. Пройдя узкое ущелье, мы могли вдруг оказаться над пропастью, чья глубина захватывала дух. Сбитые в нее камни падали все ниже, ниже, ниже, их удары о выступы звучали все тише, тише... Потом начиналось новое ущелье.

Следующая остановка была для молитвы. Мусульмане должны молиться пять раз в день. Мой муж вел молитву, я ему вторила. В этой суровой стране молитва поистине необходима. Оставив так называемую цивилизацию за спиной, больше думаешь о Творце всего сущего и испытываешь благодарность за такие дары, как здоровье, сила и безопасность. Мы преклонили колени на наших ковриках, обратив лица в сторону священной Мекки, и во всей простоте, со всей искренностью и благоговением восхвалили Аллаха за то, что хранил нас от бед на пройденном пути. Эта вера подарила мне новое ощущение. Не было ни громкого органа, ни мешочка, куда нужно класть монетки для успокоения совести, ни мыслей о том, одобряет ли твою одежду сидящая за тобой дама. Простота молитвы придала ей необычайную силу. Рядом со мной стоял на коленях погонщик мулов. В ту минуту мы были с ним равны, ибо молитва смирила меня, отодвинув в сторону мои обычные консервативные представления о различии классов и положений; потом, однако, погонщик вернулся к прежнему своему состоянию, не пытаясь извлечь выгоды из того уровня, на который его подняла молитва.

Мы снова двинулись в путь. Помимо обилия впечатлений, я была сильно утомлена, но лишь смутно это сознавала.

Время от времени нам попадались на глаза маленькие форты, чьи обитатели вели с соседями непрерывную войну. Некая старинная распря делала здесь жизнь сокровищем, которое надо было бережно хранить. Люди, которые охотились друг за другом и при всякой встрече с неприятелем пытались его убить, вместе с тем, попроси я у любого из них убежища, охра-

няли бы меня, относились бы ко мне с уважением и прекратили бы вражду до моего отъезда. Гостеприимство священо.

Где-то недалеко, несмотря на дневное время, раздавались выстрелы, а выстрел на «ничейной земле» – не повод для шуток. В одном месте нам пришлось задержаться, пока двое враждующих снайперов упражнялись в меткости друг на друге через дорогу. Нам они не угрожали – то была их личная война. В конце концов один упал со своей скалы, другой пожелал нам мира (что было весьма кстати) и махнул нам рукой: проходите!

Для него в этом не было ничего необычного, и думаю, что с тех пор его самого уже подстрелил какой-нибудь снайпер. Станным мне показалось то, что женщины из этих противоборствующих кланов ходят по своим повседневным делам, носят воду, гонят скот, и в них никогда не стреляют. Женщину не убьет даже самый отъявленный разбойник. Как говорят эти закаленные воины, женщины для них священы. Чтобы их видели издали, они носят алые шальвары. Эти женщины, однако, умеют стрелять не хуже мужчин, в чем я позднее смогла убедиться. Они способны оборонять крепости с непоколебимым мужеством, и не один мужчина лишился благ, которые сулила ему жизнь, из-за меткости этих воительниц.

Местные жители постоянно предлагали нам воду или шербет (сладкий напиток из фруктового сока) и готовы были для нас на все, когда узнавали, кто мы такие. Их радушие напомнило мне родину. А ведь скардность была бы вполне простительна в краях, где фрукты – чуть ли не роскошь, потому что их зачастую везут много дней из Индии или Афганистана.

Снова мы остановились – на этот раз для послеполуденной молитвы, называемой аспр (предыдущая называлась зухр).

Время от времени мы видели пахарей, возделывающих эту негостеприимную землю, пытающихся добыть средства к жизни в стране, которая, казалось, противилась всем людским желаниям. У всех за плечами были винтовки; вокруг высились черные скалы, глядевшие на них хмуро и злобно, с вечной враждебностью. На других участках по склонам гор росли тутовые деревья.

Несколько раз при нашем приближении делались предупредительные выстрелы; раздавался голос, казавшийся почти призрачным среди тишины и высоких скал: «Друзья или враги?» Мы всякий раз отвечали: «Друзья! Мир вам!» Я напряженно вслушивалась, ожидая ответа: «Мир вам!» Наш эскорт дважды стрелял в воздух на случай, если соплеменник не слышал возгласа, заверявшего его в наших мирных намерениях. Так или иначе, бывают положения, в которых лишняя предосторожность не помешает. Порой, когда это требовалось, кто-либо из нашей охраны поднимал в воздух клинок, показывая, что мы принадлежим к семье вождя. После этого тот, кто караулил на склоне, трижды стрелял в воздух, приветствуя нас, приглашая на свою территорию и заверяя в своем добром к нам отношении.

Мы двигались вперед. Темнеть начало как раз к тому времени, как мы добрались до дружественных владений еще одного хана, у которого намеревались провести ночь. Назавтра после полудня мы должны были прибыть на место.

Этот хан был известен как человек чрезвычайно религиозный. Мы явились как раз к вечерней молитве, после которой, смыв с себя дорожную пыль, насытились вкуснейшим ойпа-лау (это блюдо из риса с ароматическими травами) и жареной курицей. Горный воздух обостряет аппетит, и мы отдали еде должное. Четыре плотные трапезы в день показались тут чем-то само собой разумеющимся. Главным образом в пищу здесь идут баранина и рис, но барашка можно приготовить столькими способами, что каждый раз это какой-то новый вкус.

После еды мужчины плясали вокруг костра, блестя кинжалами. Нам, женщинам, удобно было смотреть на пляски с высоты через зарешеченные окна. Вдруг посреди веселья раздались выстрелы.словно по мановению волшебной палочки все мигом преобразилось: танцоры стали воинами. «Сцена» исчезла. Женщины отпрянули вглубь комнат, мужчины выкрикивали приказы. На форт хана напал враждебный отряд. С помощью факелов неприятелю каким-то

образом дали знать, что хан занят приемом гостей. Потом послышалась новая пальба, означавшая отход, и пляски возобновились. Женщины опять подвинулись к решеткам. Снова глядя на блестящую сталь и кружащиеся фигуры, кто-нибудь, пожалуй, мог бы принять интерлюдия с выстрелами за часть танца.

Ночь мы с мужем провели в крепко-накрепко запертой башенке без окон; форт стерегли тридцать вооруженных часовых. Засыпая после всех волнений этого изнурительного дня, я вдруг вообразила, что, может быть, проснусь в Шотландии. Рассвет, однако, вернул меня к действительности. Мы пробудились под звуки «смены караула», и в тот день нам предстояло еще одно долгое, волнующее путешествие.

В форте воинственного вождя

Мы позавтракали и покинули форт гостеприимного хана. Десять человек охраны, предоставленной нам первым хозяином, отправились домой, и их заменили другие десять из владений нынешнего хозяина. Им было велено сопровождать нас до дома моего мужа, куда, если все будет хорошо, мы должны были добраться к вечеру. Но чем дальше мы двигались, тем больше у меня становилось опасений.

Дорога сделалась совсем голой и безлюдной – поистине дикие места. Для настоящего кошмара не хватало только жуткой грозы с громом и молнией. Впрочем, окружавшего нас отряда хорошо вооруженных людей было достаточно, чтобы даже труса из трусов избавить по крайней мере от страха перед личным насилием. Я начала постигать душу этого края. Он полюбился мне сразу. Тут мне не придется искать приключений: они сами меня отыщут. Они тут повсюду.

Сама эта тишина была таинственной, стискивающей. Иные из мужчин пели песни, другие декламировали двустипхи старинных пуштунских поэтов, третьи молчали – и при этом все, казалось, были в прекрасном настроении. Если они не ждут беды, подумала я, то и мне нечего ее ждать. Временами я посматривала на них: не повернет ли кто-нибудь голову, чтобы взглянуть в подозрительную скалу или расселину, не поднимет ли глаза на вздымающиеся каменные глыбы? Но нет: они спокойно продвигались вперед.

Местность вокруг дороги становилась все более дикой. А вот на горных террасах тут и там начали попадаться возделанные участки, и ближе к вечеру, когда до цели было уже недалеко, на окрестных холмах мы увидели большие яркие костры. Это, объяснил мой муж, были приветствия нам от всех местных вождей.

– За этим поворотом ты кое-что увидишь, – предупредил он. – Угадай, что.

– Разбойников! – сказала я, боясь худшего.

– Нет, наш дом.

– Дом!

Само это слово прозвучало для меня странно. Пока мы медленно приближались к повороту, я думала о мирном доме у меня на родине, о тамошней тихой обыденной безопасной жизни, о брате, о том, как я поймала на крючок лосося...

Кавалькада между тем остановилась.

– Ну, как тебе нравится? Чудесно, правда?

Вопрос дошел до меня как сквозь туман. Мой муж был около меня и смотрел куда-то вверх, на холмы.

– Вот твой новый дом, Мораг.

Мой новый дом! Я подняла глаза и увидела серую стену с бойницами, лишенную всякой приветливости и не внушающую никаких чувств, кроме почтительного страха. Она была увешана флажками; на вершине соседнего холма горел огромный костер. При виде этих посланных издали приветствий на глаза у меня навернулись слезы. Люди стараются изо всех сил,

чтобы мне было хорошо! Мы поднимались все выше и выше. Я гадала, какими окажутся мои новые родственники. Полюбят ли они меня? А я их? Что если я им не понравлюсь? Но я не могла долго предаваться этим тревожным размышлениям: мы были уже у самого форта.

Когда мы с мужем въехали во двор, к нам медленно, давая нам время спешиться, приблизился высокий, благородного вида мужчина. Мой муж помог мне сойти с лошади, и потом, повернувшись, я увидела, что он преклонил перед высоким мужчиной колени и поцеловал ему руки.

– Мой отец, – сказал Саид. Я тоже поцеловала руки вождя, и он низко наклонился, чтобы поцеловать меня в лоб. Его облик и рост были настолько внушительны, что я вдруг почувствовала себя маленькой и лишилась дара речи.

– Добро пожаловать домой, сын мой и дочь моя! Мы счастливы, что вы почтили нас приездом. Должно быть, вы устали после долгого пути.

Он взял на руки нашу малышку и двинулся к дому. Мы пошли следом. Мои колени стучали друг о друга. Саид успокаивающе сжал мою руку, и под грохот пальбы в воздух, которую устроили собравшиеся ради нас люди вождя, мы проследовали в наш новый дом по красивым коврам, посланным в нашу честь. Форт как таковой был громадным черным зданием, приспособленным для отражения атак; над каждым из его углов высилась серая башня с бойницами. Сегодня стены были украшены флажками, что смягчало их воинственную суровость.

Вдоль всех коридоров, по которым мы шли в гарем (женскую часть дома), стояли слуги.

Моя свекровь и ее дочери ждали нас с нетерпением и, когда мы вошли в комнату, быстро двинулись нам навстречу. Старый вождь представил меня им, и его жена тут же горячо обняла меня и расцеловала в обе щеки. Это была высокая, замечательно моложавая женщина с прекрасными темными блестящими глазами и светлой кожей, свойственной женщинам ее племени. Она церемонно приветствовала меня и была так любезна и очаровательна, что мгновенно расположила меня к себе. Затем вперед выступили ее дочери, державшие за руки мою Маргарет. Внешностью и манерами они походили на мать и в длинных нарядных блузках до колен, с завешенными полупрозрачной тканью лицами, в расшитых золотом восточных туфельках выглядели как сказочные принцессы. Когда приветствия кончились, они отвели меня в мои покои на втором этаже и настояли на том, чтобы помочь мне во всем.

Комната была продолговатая, с низким потолком и выбеленными стенами. Главный вход завешивала плотная плюшевая штора, пол был застелен коврами, один угол занимала большая низкая кровать, похожая на тахту. Около нее стоял низкий индийский столик с латунной столешницей. На полочке над кроватью лежал Священный Коран, покрытый шелковой тканью (Коран никогда не должен находиться под другой книгой или на полу). За другой шторой были полки для одежды.

Перед прибытием сюда я воображала, что служанки, наверно, будут робко поглядывать на меня из-за двери и предоставят мне самой распаковывать вещи. Но две прислужницы, никогда раньше не видавшие западных женщин, начали, не выказывая внешне никакого интереса ко мне, разбирать мою одежду, как будто всю жизнь только этим и занимались. Из-за этого я почувствовала себя незначительной, маловажной. Пальто, юбки и платья, которые они убрали, внезапно потускнели, сделались неинтересными и неромантичными. Я вспомнила, как однажды дома надела на вечеринку восточный наряд; тогда он выглядел слишком цветастым, вычурным. А здесь такая одежда была, казалось, единственно возможной.

Из любопытства я выглянула в другую дверь и увидела, как слуги-мужчины в комнате, похожей на мою, распаковывают вещи Саида. Мои первые страхи улеглись. По крайней мере здесь, видимо, не будет такого «гарема», какой я воображала. У нас будут собственные комнаты, и нам не придется тесниться с другими домочадцами, о чем предостерегали меня добродетели на родине; более того, у каждого из нас будет своя ванная.

Мои золовки прервали эти размышления, спросив меня из-за двери, можно ли им войти. Они держали полные охапки одежды всех цветов радуги, которую сшили для меня своими руками на основании размеров, которые сообщил им Саид. Они с великим интересом смотрели, как я преображаюсь в дочь вождя. Когда я надела расшитые золотом туфельки без задников, они рассмеялись, глядя на мои неловкие шаги в непривычной обуви. Потом они принялись развлекаться, примеряя мои пальто и юбки. Обе с чувством расцеловали меня и вели себя так естественно, были так непритворно веселы, что я мгновенно прониклась к ним любовью; казалось, мы уже не один год как знакомы. Все мои бывшие тяжкие опасения по поводу грядущей встречи со свойственниками представились мне теперь прискорбным недоразумением. Несмотря на разделявший нас языковой барьер, мы были отменно счастливы друг с другом, и нам очень хорошо было вместе.

Голубые атласные шальвары пришлись мне как раз впору; широкие в бедрах и сужающиеся книзу, искусно отделанные, они выглядели как юбка. Блузка до колен и тонкая вуаль добавляли наряду таинственности. Сделав несколько кругов по комнате, я приручила даже норовистые туфельки и почувствовала себя членом семьи.

Девушки хлопали в ладоши и смеялись, видя мое беспокойство о своей внешности. С двух сторон они взяли меня за руки, и мы прошли по балкону туда, где радостные крики и громкий плеск воды возвещали о том, что у Маргарет нет ни малейших трудностей ни с языком, ни с окружением.

В окна мне не было видно ничего, кроме диких холмов. Они манили меня, и я пообещала себе, что обследую их в будущем; позднее, когда я узнала, что это строго запрещено, они, конечно, стали для меня еще более притягательными.

Громадный двор под нами напоминал ярмарку. В него сотнями стекались отважные соплеменники Саида, прибывшие из Кохистана (горных районов). Должно быть, они не меньше нашего устали и хотели пить, но они ничем не желали нарушать торжественность случая. То и дело из двора доносились приветственные залпы. Одни приехали на пони, другие на верблюдах, третьи на ослах, но все были хорошо вооружены. Как, задумалась я по своему западному обыкновению, удастся разместить такую массу народу?

Селима и Халима, мои золовки, сказали мне, что вечером будет праздничный пир. «Но не для всех же этих людей?» – спросила я. «Приедет еще больше! – ответили они. – Для них поставили много шатров».

Через решетчатые перила балкона они показали на сад, где и сейчас возводились шатры. Сад уже был похож на огромный полотняный город (который на фоне холмов, правда, казался карликовым). «Какое радушие к иностранке!» – подумала я. Гостеприимство горцев повсюду одно и то же. Мое сердце преисполнилось тепла по отношению ко всем этим людям, многие из которых, судя по утомленному дорогой виду, приехали приветствовать меня издалека. Прошлое было уже мертво для меня.

Я была Мораг Абдулла и должна была соответствовать этому имени.

Женщины обороняют форт

Вскоре после моего приезда было объявлено о помолвке Селимы-ханум, моей золовки. Поистине эта помолвка оказалась событием!

Восторг следовал за восторгом. Подарки шли непрерывным потоком. Весть о том, что два мощных племени помирились и готовы породниться, вызвала смешанные чувства. Одни радовались, другие, несомненно, затаили злобу. Подарки от родственников жениха были всевозможные: от скромной кухонной утвари до дорогих украшений. Одних нарядов с избытком хватило бы для пятидесяти невест: каждая женщина племени должна подарить помолвленной девушке хотя бы один предмет одежды.

Получал подарки и жених: шли разговоры о великолепных седлах, ружьях, россыпях золотых монет, амуниции, холодном оружии. Но самым чудесным подарком был прекрасный арабский конь, предмет общего восхищения и зависти. Его называли лучшим образчиком породы из всех когда-либо виденных. Владелец, приходившийся дядей вождю форта Килла, был стар и хотел при жизни отдать коня в хорошие руки.

Женщин нашего племени пригласили в форт Килла на торжественный пир в честь предстоящего события; этим мы должны были показать другу другу, что распри забыты и воцарилась дружба.

Мы начали собирать в дорогу наши лучшие наряды, расшитые золотом туфельки и драгоценности. Отправиться предстояло через три дня. Эти дни были полны переживаний. Прибывали посланцы с указаниями из форта вождя, моего свекра; наши посланцы мчались к нему с ответами. Все должно быть безупречно, ни в коем случае нельзя выставить наше племя на посмешище! Я боялась испортить дело какой-нибудь глупой ошибкой, но моя свекровь с неизменным тактом руководила всеми моими приготовлениями и два дня подолгу учила меня различным приветствиям в адрес женщин из племени жениха.

Каждый вечер я вместо того, чтобы ложиться спать, устраивала в спальне репетицию. Коробки у стены изображали женщин из форта Килла, и я оттачивала приветствия до совершенства. Будучи женой сына, я шла по статусу второй вслед за матерью семейства, к тому же я была афранги (англичанка), и поэтому тем более важно было избегать ошибок.

И вот настал день отъезда. Нашего багажа хватило бы на два кругосветных путешествия. Впереди ехала верхом моя свекровь, я следовала за ней, дальше – взволнованная Селима-ханум и ее сестра. Вооруженные люди охраняли нас спереди, сзади и с боков. За час до отправления, чтобы о нем знали в форте Килла, был зажжен сигнальный костер. Как только там увидели дым, они зажгли на своей горе ответный огонь. Мы двинулись в путь с большой торжественностью; воины дали в нашу честь церемониальный залп.

Трехчасовое путешествие прошло спокойно; наше прибытие в форт Килла было отмечено ружейным салютом, в котором участвовали, кажется, все мужчины до единого. Повсюду виднелись флажки, гирлянды роз и «листва» из цветной бумаги, изготовленная деревенскими умельцами. Кто-то особенно веселый украсил цветной бумагой даже бойницы.

Мы спешили, и нас тотчас же препроводили в женские покои, которые были увешаны украшениями. Супруга вождя Киллы была немолодая женщина с седеющими волосами, великолепными бровями и мягкими карими глазами. Она уделила очень много внимания своему наряду, но все-таки, думаю, не больше, чем мы нашему! С головы до пят она была одета в золотую ткань с яркими голубыми и розовыми вкраплениями. Ее маленькую золотую шапочку украшали искусственные розочки, и сверкающая золотая вуаль свисала с нее очень изящно.

– Добро пожаловать, и мир тебе, носительница столь славного имени! – начала она. – По этому великому случаю мой приятный долг – быть, волею Аллаха, в добром здравии, чтобы удостоить тебя приветствия, подобающего твоему роду. Эта честь для меня тем больше, что разделить веселье наших сердец с тобой прибыла твоя высокочтимая дочь, супруга твоего благородного сына. Ее мы тоже от всей души приветствуем.

Моя свекровь поклонилась, я сделала положенные приветственные жесты.

– Мир тебе, украшение столь славного союзного племени! Для меня великое удовольствие прибыть на этот праздничный пир. Да хранит всех нас Аллах!

С этими словами, низко поклонившись, моя свекровь проследовала в комнату к группе девушек и женщин. Я дважды поклонилась и поцеловала руку ханум; она поцеловала меня в лоб, и я тоже вошла в комнату.

Следом в нее вступили Селима-ханум и ее сестра с приветствиями в адрес ханум, которая подошла к нам, когда я приблизилась к группе. После представлений, поцелуев в лоб или в руку, поклонов и новых поцелуев в руку, которыми нас наградили младшие девушки, нас

провели в наши комнаты. С балкона был виден костер у форта моего свекра, а внизу во дворе мужчины из здешнего племени красочно состязались в стрельбе, прыжках и борьбе. Нашей охраны с нами уже не было. Обычай требует, чтобы в пире по случаю помолвки участвовали только женщины.

Каждой из нас было предоставлено по четыре служанки, чтобы помогать нам во всем, причесывать нас и одевать. Они надушили мне запястья и складки за ушами, наложили на лицо тонкий слой пудры и немного румян – и все четыре поклялись, что никогда не видали подобной красоты. В других комнатах другие служанки, вероятно, говорили то же самое моим свойственницам! Мои золовки, конечно же, выглядели прелестно. Нас принимали здесь пятнадцать девушек – некоторые были дочерьми владельца форта, некоторые его племянницами из крепости, расположенной примерно в двух милях от Киллы.

Мы пировали целых три дня и засыпали друг друга комплиментами, говоря практически одно и то же разными словами.

После празднеств нам, молодым женщинам и девушкам, разрешили посекретничать в наших комнатах. Мы обменялись амулетами, узнали последние предсказания звезд, потолковали о будущем Селимы-ханум, показали друг другу свои драгоценности. Мне задали множество вопросов про мою родину. Они не могли поверить моим рассказам о городском транспорте и сказали, что полицейские, должно быть, настоящие волшебники, раз им удастся управлять движением стольких машин и пешеходов без того, чтобы люди гибли десятками! Они изумились тому, что слышали о магазинах и о западных женщинах, которым позволяют там бывать среди покупателей-мужчин, осмеливающихся разглядывать чужих жен! Ничто, дружно согласившись все, не заставит их сесть в аэроплан, который их мужчины называли «дьявольской машиной» и который изобретен не иначе как самим дьяволом. В их компании я почти так же почувствовала собственную неполноценность, как может почувствовать ее зрячий, внешне перенесенный в страну слепых. Мне надо было много чему разучиться, и чем скорее, тем лучше.

После вечерней трапезы мы сидели на балконе, пили шербет, ели сладости – и вдруг увидели незнакомца. Это оказался бродячий кузнец и ветеринар, который проверял лошадиные копыта и лечил их, если нужно. Он показал отзывы других вождей о его дарованиях, и его мигом подрядили осмотреть всех лошадей в форте Килла. Он произвел впечатление весьма умелого и усердного работника и не пожелал прервать труды даже ради ужина, заявив, что будет работать, пока не кончит, а потом сразу уедет, потому что ему надо до ночи добраться до другого форта.

Мужчины покинули его, хваля его опыт и познания, и сели за еду, но посреди ужина вдруг услышали бешеный топот. Выбежав на балкон, мы увидели удаляющегося стремительным галопом всадника. Часовые открыли огонь с возгласами: «Арабский конь! Арабский конь!»

Двор наполнился возбужденными, ошарашенными мужчинами. Часовые кричали, что кузнец застал их врасплох, потому что было время ужина и на посту их оставалось в половину меньше. Что это был за человек на самом деле? Куда он поскакал? Все вопросы оставались без ответа. Быстро снарядили конные отряды для погони. Вождь форта Килла отправил двадцать человек в одном направлении, двадцать в другом, и так далее. Попрощавшись с женой и дочерьми, он и сам сел на лошадь и ускакал. Кругом стоял громкий стук копыт по твердым камням, какой часто можно услышать в этих краях. Мы были ошеломлены неожиданностью случившегося.

Темнело, а мы по-прежнему стояли на балконе и тщетно ждали возвращения отрядов, или арабского коня, или всех вместе. Настало время ложиться спать, а никого еще не было, и мы, женщины, решили лечь и отдохнуть. Возбуждение дня и теперешние тревоги обессилили нас. Как печально кончился этот праздник по случаю помолвки! Я лежала без сна и всей душой желала, чтобы люди поскорей вернулись. Что если разбойники с гор, лучше знающие

местность, напали на них и перебили, чтобы завладеть их ружьями и патронами? И теперь, довольные, едут обратно в свои убежища? Я встала и торопливо написала записку мужу:

Арабский конь похищен. Бойцы из форта Килла отправились в погоню уже не один час назад. Боюсь, что-то случилось. Умоляю тебя, пошли людей на помощь.

Позвав служанку, я попросила, чтобы записку немедленно доставили в форт моего свекра, где Саид находился во время моего отсутствия. С облегчением я услышала, как открылись ворота и лошадь посланца твердым, быстрым галопом поскакала по горной дороге. И все же страхи томили меня. Я отправилась в комнату Маргарет – она и ее няня крепко спали. Приблизившись на цыпочках к комнате Селимы, я увидела, что она молится, – и тихо отошла. Наступит ли когда-нибудь утро? Вернутся ли когда-нибудь мужчины? Почему ни одного из отрядов еще нет? Неужели они попали в засаду? Было одиннадцать часов вечера. Может быть, они все-таки вернулись, успокоительно сказала я себе. Выгляну еще раз и лягу спать. Это необычный край, подумала я, и нравы здесь необычные, а я самая настоящая трусиха.

Выйдя на балкон, я, к своему удивлению, услышала дальние раскаты грома. Тьму прорезала молния, начался ливень, но за звуками грозы я услышала треск ружейных выстрелов. Хвала небесам! Должно быть, мужчины возвращаются.

Но наша немногочисленная охрана, часовые, снайперы вдруг открыли ответный огонь. Зазвучали быстрые, как молния, приказы. К бойницам! Рядом со мной стояла Селима-ханум.

– На нас напали! А мужчин нет. Осталось всего несколько. Стелать умеешь?

– Да.

– Я возьму свое ружье. Бери свое и столько патронов, сколько унесешь, – промолвила она и скользнула прочь.

Вбежав в комнату, я схватила ружье и два патронташа, какие тут носят все. Гроза была ужасная. Участники налета, наверно, промокли насквозь. Сколько их приближается к нам в этой жуткой темноте? То и дело сверкала молния, гром гремел и рокотал, вспышки снова и снова выхватывали из мрака ружейные дула и стены с бойницами. Ко мне подошли мои золовки и другие девушки, способные стрелять. Боязни не выказывал никто. В голове у меня прозвучал вопрос, который вождь нашего племени задал сыну, находившемуся в далеком Эдинбурге: «Сможет ли она, если потребуется, оборонять форт?» И мой страх исчез. Клан, из которого я происхожу, не уступает в храбрости никакому горскому племени!

– Идем к бойницам, – сказала одна из женщин. Селима, старшая, двинулась впереди. Выстрелы зазвучали ближе; судя по их частоте, нападавших было не меньше ста. Наш ответный огонь был слабым. «Встаньте по одной у каждой бойницы и помните о чести племени», – скомандовала Халима-ханум, когда мы подошли к бойницам.

Дождь был уже не таким сильным, но гроза продолжалась. Мы видели отблески молний на кинжалах и ружьях атакующих. Девушки стреляли постоянно и сосредоточенно. Теперь под вспышками молний враги ползли к стенам форта, как змеи. Если они доберутся до стен, наша слабая оборона долго не продержится. До нас начали долетать их крики и стоны раненых. Нашим малочисленным снайперам скоро должен был прийти конец.

Вдруг воздух разорвался от яростных воплей. Меня потянуло бежать в свою комнату, но девушки держались стойко. Вдруг я опять почувствовала себя сильной. Что мне терять, если близок наш последний час? За стенами форта шла жестокая рукопашная схватка, вопли звучали не переставая; вспышки молний высвечивали сражающихся мужчин, но наши снайперы внутри форта, которые были для нас практически последней защитой, к счастью, оставались на своих постах. Атака, похоже, была отбита: беспорядочная дерущаяся масса начала отодвигаться от стен. Очередная молния высветила лежащие на земле тела. Я подбежала к Селиме-ханум.

– Атака отбита! – воскликнула она. – Кажется, это вернулись наши люди и напали на врага с тыла!

И тут я вспомнила про свою записку мужу. Нет, это, наверно, наши воины, явившиеся искать людей из форта Килла и отбивать арабского коня! И в этой жуткой схватке, должно быть, участвует мой муж!

Я не могла оставаться внутри. Моя тревога была ужасна – трудно было поверить, что кому-нибудь удастся уцелеть в этой смертельной рукопашной. Просто-напросто они все перебьют друг друга... Спотыкаясь в потемках, сжимая ружье и патронташи, я спустилась во двор, но часовой не позволил мне пройти. Через окно я пролезла в женский открытый двор. Гроза кончилась, и тьма стала еще гуще. Стреляли со всех сторон, пули так и свистели над моей головой. Я прокралась к воротам – видимо, к главным воротам форта. Наши часовые кричали: «Они уходят, уходят!»

Я побежала обратно, боясь увидеть то, что понесут сквозь ворота. Радуюсь темноте, я кое-как ощупью добралась до стены с бойницами. Девушки тоже слышали возгласы часовых и сдержанно проявляли тревогу о раненых. «Раненые... – думалось мне. – А убитые?» Кто мог остаться живым после такого боя? Ворота форта были теперь открыты. При свете высоко поднятых фонарей в них вносили бойцов.

Со всех сторон звучали победные возгласы. Я смотрела на происходящее из дверного проема на первом этаже. Для раненых отвели большой обеденный зал. Зубы у меня стучали. Вдруг я почувствовала, что все еще сжимаю патронташи.

– Убит, – произнес один из четверых, которые шли с очередным неподвижным телом. – Он был замечательный воин. Аллах велик, хвала Ему!

Долго ли тянулась мрачная процессия – не знаю. Мне почудилось, будто я всю жизнь стою и смотрю этот жуткий спектакль. Мимо прошли двое мужчин, и я узнала в них людей из нашего форта. Я хотела их спросить, но язык не слушался. Мой муж должен быть здесь! Но где он? Я пробралась в сводчатый проход у обеденного зала, откуда могла видеть каждого, кого вносили. Я впивалась глазами в фигуры бойцов.

Мои золовки и другие женщины спустились вниз с незакрытыми лицами (в таких обстоятельствах это допускается) и вошли в зал. Я последовала за ними. Они начали оказывать помощь раненым. Друзья и враги лежали бок о бок. Трупы клали в другой комнате. Принесли чаши с водой и рулоны ткани. Предпочтения не получал никто: всем уделяли внимание по очереди. Одни лежали без сознания, другие просили пить. Я ходила среди них, высматривая лицо, которое боялась увидеть. Зачем, зачем, я написала эту записку?

– Помоги мне, свет очей моих, – услышала я голос свекрови. Когда рассвело, нас сменили другие женщины. Мертвых похоронили. Многие все еще оставались лежать там, где погибли.

Мой муж, как выяснилось, не участвовал в бою: он находился в другом форте. Его отец послал за ним, но, к счастью, когда он появился, враг уже отступал.

Люди из форта Килла были опасны на поле боя, но снисходительны к побежденным. Забыв про набег, они помогли его раненым участникам добраться до дому. Тех, кто был ранен серьезно, впоследствии забрали друзья.

Позднее выяснилось, что кузнец был никакой не кузнец, а знаменитый главарь разбойной шайки. Он украл арабского коня, чтобы отвлечь внимание жителей форта Килла. Когда многие из них отправились в погоню, защита форта была ослаблена, и тут-то он и ударил со своими людьми, чтобы завладеть большим арсеналом оружия и боеприпасов. Но мужчины из форта Килла успели вернуться и напали на врага с тыла, а потом им помогли наши люди, прискакавшие на поиски коня.

Сам же конь, оставленный без присмотра, нашел дорогу к форту старого хозяина, пришедшегося дядей жениху Селимы, и его со всеми церемониями пришлось дарить снова.

Как воевать с афганцами

Пуштуны из приграничных областей, которых британцы, руководствуясь неправильным индийским произношением, называли патанами, никогда не признавали над собой никаких правителей, кроме своих собственных. В эпоху империи британцам ни разу не удалось их покорить. Книга генерала сэра Эндрю Скина *Passing it On* («Советы на будущее»), откуда взяты нижеследующие отрывки, – классические записки о войне, во время которой сорокатысячная армия была брошена против одного-единственного племени. Вероятно, британские военные не были знакомы с пуштунским проклятием: «Чтоб ты сделался налогоплательщиком!»

Страна

«Что такое Северо-западная пограничная провинция? Какова эта земля и каковы здешние бойцы?» Ответить не так просто. Обойдя пешком или объехав верхом большую часть границы от Мастуджа до Калата, могу только сказать, что никакой даже короткий ее отрезок не похож на соседний. Чтобы двадцать миль подряд шла одна и та же местность – такого не встретишь нигде.

Мили каменистых склонов и скал уступают место возделанным площадкам, ограниченным крутыми или отвесными утесами; поросшие еловым лесом, прорезанные узкими речными долинами горы сменяются округлыми холмами, покрытыми кустарником... через Майдан, лес гималайского кедра, тянутся безлесные возвышенности. Опаснее всего – каменистые равнины и ущелья с островками кустарника: тактика стремительных нападений, применяемая масудами¹, получает здесь наибольший размах. Нигде по местным условиям нельзя судить о том, что ждет тебя чуть подальше.

Бойцы

Люди различаются не так сильно, как местности, где они живут. Повсюду это серьезные неприятели, с которыми нельзя не считаться. Как воинов я выше других ставлю масудов и мамундов², хотя военным искусством владеют все, и в целом здешние жители – вероятно, лучшие индивидуальные бойцы на всем Востоке, поистине опасные противники, недооценка которых сулит верную беду.

Они несутся по склонам камнепадом – не бегут, а скачут вниз по утесам с одной опоры на другую. Бороться с такой мобильностью, подражая ей, невозможно. Эти люди каменно крепки, чрезвычайно неприхотливы, у них нет при себе ничего, кроме ружья, кинжала и небольшого запаса патронов и еды, обувь их отлично приспособлена для быстрого и надежного передвижения.

Их способность к скрытному перемещению поразительна – причем не только к перемещению из укрытия в укрытие, но и к скольжению из света в тень, из одной среды, создающей фон, в другую. Это надо видеть, чтобы поверить.

¹ Масуды – пуштунское племя. (Здесь и далее, если не оговорено иное, – примечания переводчиков).

² Мамунды – еще одно пуштунское племя.

Атака на пикет

Около шестидесяти человек стояли в пикете на холме над рекой Точи, охраняя большой участок дороги близ Мираншаха.

Шли дни; было тихо и чрезвычайно скучно. На рассвете бдительность людей ослабевала.

Однажды утром, когда дневной наряд вошел в непростреливаемую зону, мощный залп скосил его, а другой залп обрушился на сангар (бруствер), заставив тех, кто за ним укрывался, десять минут вслепую, с перерывами отстреливаться. Между тем неприятельская группа проскользнула в непростреливаемую зону, забрала винтовки и большую часть боеприпасов дневного наряда и мгновенно отступила. Стоявшие в пикете, выйдя наружу, увидели, что неприятель находится в нескольких сотнях ярдов, а десять их товарищей убиты.

Снимаю шляпу перед участниками этой атаки. Они заслужили свои трофеи.

Как справляться с пуштунским терпением

Ответ: никогда не ослабляйте мер предосторожности. Это чертовски трудно, потому что держать нервы и воображение в напряжении, когда нет никаких видимых признаков опасности, противоестественно. В этом-то и беда: день за днем вы будете видеть только голые холмы, скалы или кусты, безмолвные как могила.

Помните, что враг всегда рядом и ждет вашей ошибки.

Легко вооруженный подвижный взвод утратил подвижность. В первую ночь все было спокойно. Неприятель разделился на два отряда, каждый из которых замаскировался тем, что бойцы, кравшиеся по открытой местности, несли на спинах тонкие «щиты» из камней. Взвод был полностью уничтожен в зоне, не простреливаемой из пикета.

Нельзя не восхищаться этими людьми, и если мы не извлечем уроков из их действий, все наши неудачи будут заслуженными.

Зловредные уловки

Не стоит отчаиваться, слушая разговоры об их дьявольской хитрости и о неминуемой якобы катастрофе. Придумывайте свои маленькие зловредные уловки. Ставьте мины-ловушки. Пороховой заряд прикрепляется к длинной веревке. Ради того, чтобы сделать прочную сетку для своей супружеской кровати, наш приятель весело пробежит, сматывая веревку, четверть мили, потом дернет – и с грохотом отправится на тот свет.

Или же можно «обронить» при отступлении патронный ящик, начиненный порохом. Вокруг такой превосходной добычи наверняка соберется, чтобы ее поделить, немало народу. Извольте получить, господа! Грубый прием, конечно, но все мины-ловушки более или менее таковы...

Отчаянные атаки

Эшелонирование имеет то преимущество, что позволяет успешно справляться с неожиданными вылазками, а они могут происходить.

Опасайтесь их со стороны бойцов, притаившихся на небольшом расстоянии от основной позиции.

Это будут люди, которые сознательно идут на верную гибель, стремясь благодаря внезапности своего отчаянного броска, открывающего им дорогу в Рай, дорого продать свои жизни.

Однажды это произошло на моих глазах: шестеро жителей долины Бунер в возрасте от шестнадцати до шестидесяти неожиданно выскочили из укрытия, когда наша передняя линия примыкала штыки, готовясь к последней атаке на неприятельские позиции.

Они прятались в расщелине скалы и смогли прорваться через три наши линии. Четвертая заколола их штыками.

Эти храбрецы были вооружены только ножами и топорами.

Афганские снайперы

Точность их стрельбы подчас удивительна. Близ маки-на я видел, как один снайпер свалил четверых с расстояния в полторы тысячи ярдов. Незадолго до этого, когда мы вставляли лагерь в мароби, один стрелок, прежде чем его взяли в плен, пятью выстрелами уложил двух солдат и двух мулов не менее чем с пятисот ярдов.

Организованный отход

Следите за тем, чтобы люди имели при себе провиант. В какой бы кампании ни участвовал английский солдат, он скорее выбросит свой запас еды, чем будет его носить, поскольку считает, что всегда сможет раздобыть пищу, хотя, как правило, раздобыть ее негде.

При отступлении перед командиром стоят две главные задачи. Первая – не медлить с решением об отступлении. Именно промедление стало причиной прискорбных событий при Саран Саре, и воспоминание о них заставило меня отступить, когда вход в Анаи Танги был практически у меня в руках.

Вторая – определить главные направления отхода и не допускать, чтобы части сами искали путь.

Почаще оглядывайтесь, чтобы посмотреть, не ранен ли кто-нибудь из товарищей, и убедиться, что вас не преследует неприятель с холодным оружием. Я видел, как два наших солдата неуклюже спускались по крутому склону ущелья, а их настигали, ловко прыгая с камня на камень, два масуда, вооруженные одними кинжалами.

Грабежи и поджоги

Никогда ничего не поджигайте на своем пути без приказа. От кучи фуража мигом поднимается густой дым, лишая вас всякой возможности подавать зрительные сигналы. Вам часто придется сталкиваться с тем, что кто-то из наших людей норовит что-то поджечь из чистого зловредства.

Собирая фураж, делайте это как можно быстрее иставляйте охрану. Под Нахакки во время кампании 1908 года против момандов трое стариков, созревших для Рая, бросились из укрытия на нескольких солдат из передовой команды и пятерых прихватили с собой в качестве пропуска.

Постоянно торопите своих людей. Забирать чужое имущество — дело настолько новое и увлекательное, что они могут долго им заниматься. Пресекайте грабежи. Коран в доме – священная книга, семейная Библия; пользы грабителю от нее никакой, и взять ее – подлый поступок.

Собрав на каком-либо участке то, что вам необходимо, переходите на следующий. Собранное складывайте в удобном месте ближе к середине участка.

Разрушать строения – совсем не то же самое, что пополнять запасы в сравнительно спокойной местности. Занимаясь разрушением, вы даете острастку упрямому врагу, караете его за зловредство, длившееся годами. Многие громко протестуют против таких карательных мер,

и не без причины. Мне они решительно не нравятся, но без них, сломив стойкость неприятеля и подорвав его готовность нести потери, вы не заставите его вести себя сдержанно впредь. Если и существует другой способ, мы за восемьдесят лет его не нашли.

Если враг не раздавлен полностью, он бросится защищать свое имущество или мстить за его утрату, и ярость его будет не меньше, чем ярость ос из разоренного гнезда. Во время разрушения Макина в 1920 году это проявилось очень отчетливо.

Пятьдесят одна башня и более четырехсот пятидесяти жилых строений в различных деревнях сельскохозяйственной зоны были уничтожены. Замечу к слову, что гораздо лучше не браться за разрушение вовсе, если его нельзя довести до назидательного конца.

Порой пехота предпочитает подрывать углы зданий и поджигать обломки. Зерно, если его не забирать с собой, следует бросать в воду или складывать на открытом месте, щедро spryskivaya горючим, чтобы запалить под конец.

Более опасная и столь же необходимая работа на открытой местности состоит в том, чтобы вынимать опорные камни, на которых держатся стены, ограничивающие террасированные поля. Прием осваивается быстро: вытащили один камень – и с грохотом обрушивается несколько футов стены. Земля валится следом, годичный урожай пропал, и грешник платит за свои грехи.

Подготовив постройки к уничтожению огнем, не упускайте из виду проблему дыма. По сигналу, подаваемому ракетой, все дома поджигаются систематически. Ни один дом, ни одна куча зерна не должны уцелеть. Берегитесь пчел. Однажды батальону шотландских горцев пришлось закрывать лица юбками, когда пчелы Майзара рассвирепели из-за уничтожения их ульев.

Жаркая, пыльная, опасная работа, но ею часто приходится заниматься, поэтому вы должны готовиться к ней, основательно изучая принципы наступления и отхода, постоянно думая о самых быстрых способах организации дела.

Какие уроки извлекли афганцы из британского вторжения

Афганский кавалерийский полковник Гази Хатим подготовил эти записки для сипах-салара (военачальника) более столетия назад, после второй англо-афганской войны.

Пленные офицеры захватнических войск подтвердили, что одой из главных причин нашей победы при Майванде были великолепные действия артиллерии сардара Айюб-хана.

Позднейшие события во время и после похода сэра Фредерика Робертса на Кандагар показывают, что устранимые обстоятельства склоняют чашу весов в сторону победы или поражения.

Робертс, войдя в Кандагар, пожаловался на низкий боевой дух войск. Причина – недостаток привычных удобств и такие события, как гибель бригадного генерала Брука и многих других во время безуспешной вылазки из осажденного города.

Кроме того, из вражеских сил не менее 12 000 составляли индийцы, а британцев было всего 4 000. Британцы меньше боялись нашей кавалерии и были, как и мы, готовы сражаться холодным оружием. Нашим саблям они противопоставляли штыки, которые использовали даже против всадников.

Отмечу превосходство нашей кавалерии перед вражеской в отношении выучки и снаряжения, а также превосходство нашей артиллерии и канониров. Это стало для неприятеля большой неожиданностью и предопределило успех. С другой стороны, менее чем у четверти наших людей имелись ружья, и меткость их стрельбы, и без того очень низкая, ограничивалась низким качеством старых ружей и острой нехваткой патронов. Британцы же неизменно с избытком снабжают себя всем необходимым. Это добавляет им трудностей на марше, но дает им огромные возможности как для обороны, так и для атаки. Что касается нас, нам часто приходится пополнять запасы за счет врага посредством самоубийственных вылазок.

Наши военачальники выделяются платьем и лошадьми. Это делает их уязвимыми. Английских солдат учат распознавать их, массированно атаковать и убивать, лишая тем самым наших бойцов их командиров. Это трудная проблема: ведь долг командира – быть заметным на поле сражения и всегда находиться впереди.

Во время войны Шах-Шуджи (40 лет назад) торговые и жилые районы Кабула были ограблены по приказу военного начальства. Так что у английских солдат был отличный стимул для атаки и победы: наградой им стало отнятое у жителей имущество. В Кандагаре даже рядовые солдаты сделались богачами.

С другой стороны, то, что наши бойцы после победы при Майванде нажились на вещи британцев, помешало главному делу – уничтожению врага. Я знаю, что наши гази [герои] оправдывались необходимостью пополнить запасы оружия; но были, видимо, и другие причины.

Недостатки по части искусства пушкарей, кавалеристов и стрелков англичане возмещают очень хорошей выучкой пехоты. Как правило, они стоят и сражаются в великолепном порядке. Нам следовало бы этому научиться. Повторюсь: изобилие запасов, на котором англичане прямо-таки помешаны, – великое подспорье для них: им редко приходится бояться, что они окажутся лишены необходимого.

Они храбры, но плохо подготовлены для войны в горах. Жара и бездействие не улучшают их способность сражаться. Солдаты хороши; таковы же и офицеры, когда они душой преданы делу.

То, что афганцы, чьи вооруженные отряды рассеяны между владениями множества вождей, способны собраться на поле сражения и действовать там согласованно, – подлинное чудо света.

Конечно же, их вера в Аллаха и понимание того, что они защищают Богоданное Государство, имеют решающее значение в борьбе с врагами, которые, если их спросить, не могут внятно объяснить, зачем они вторглись в нашу страну.

Афганец на приеме у английского короля

«Я поехал в Англию встретиться с королем. Но вначале должен был бросить взгляд на страну».

Первые впечатления афганца от Англии, ее жителей и ее монарха.

«Покажите нам ваши сердца!» – сказал американский путешественник своему английскому гиду, когда я сидел в вестибюле отеля.

Я мысленно присоединился к его просьбе. Ибо посетитель Лондона хочет видеть не только музеи и картинные галереи, но и что-то более важное. Ему нужен живой, полнокровный образ английского народа, доступный иностранцу и способный помочь ему составить едва ли не утопическую в глазах уроженца Востока картину здешней жизни.

Откровенно говоря, я напрасно пытался обогатить свои представления об этой стране, бродя по лондонским улицам. Высота зданий приводила меня в трепет (порой мне казалось, что я иду меж каменных гор), но жизнь людей как таковая таилась от меня. Наконец один добрый друг посоветовал мне отправиться за город, где я увижу людей в естественной обстановке, а затем вернуться в сердце Лондона.

Я поехал в деревню. И мне повезло: местные жители веселились на ярмарке. Ничего общего с торопливым, суетливым, каменноликим Лондоном. Очарованный, я принял участие в общем веселье. «Отменная еда, отменная еда!» – выкрикивал торговец, предлагая отведать на пенс заливного угря. Мастеровой, стоя у будочки, советовал туда заглянуть прохожим женщинам. Двое пареньков, лихо прокатившись на карусели, осушили ради праздника по два стакана лимонада. В Англии, я заметил, лимонный сок и лимонный напиток «сквош» могут быть действительно приготовлены из лимона, а вот «лимонад» – всего-навсего газированная вода с сахаром...

Однако в стаканах юнцов плавали кусочки лимона. Один из них даже решил, что эта добавка удостоверяет подлинность напитка; но пожилая женщина за прилавком только посмеялась в ответ и посоветовала им не отнимать у нее время, а идти смотреть попугайчиков и цыган.

За углом парусиновой палатки, на лужайке посреди деревни, мужчина в летнем костюме и цилиндре продавал три большие коробки шоколадных конфет за шиллинг; одни широкие красные ленты на коробках, казалось, стоили больше. Мужчина уверял меня, что именно на этом месте 330 лет назад обедала королева Елизавета. Он добавил, что по случаю праздника отдает товар практически даром.

Снова и снова внимание детей и их встревоженных родителей привлекал рев львицы, сидящей в клетке.

Заворачивая туда и сюда, петляя между кибитками и тележками цыган, люди тянулись к аттракционам – американским горкам и сталкивающимся автомобильчикам, – где все сияло разноцветными огоньками. По пути к таким соблазнам, как тир и сшибание кокосовых орехов, многие не могли устоять перед азартом лотереи и метания колец. Поставив пенс на номер или попытавшись накинуть кольцо на отломанный носик чайника, можно было выиграть красивую серебряную чашу. Казалось, это легче легкого.

Потом у меня на глазах палатки и шатры, флаги и вымпелы начали снимать и скатывать, готовясь к отъезду. Дюжие участники ярмарки складывали на свои тележки, запряженные осликами, кокосовые орехи и клоунские костюмы; огромные колеса и шесты надо было везти с помощью тягачей. Горластые мужчины покрыли все брезентом, цыгане играли на губных гармониках, наконец все расселись по своим транспортным средствам – и процессия тронулась в путь.

С грустью возвращался я в Лондон, желая проникнуть в тайну тамошнего бытия, понять, как в этом городе живут люди, что они чувствуют. Сойдя по ступенькам в некий подвальчик, я увидел микрокосм одного из миров. Шла распродажа; и это была настоящая война.

Вокруг кучи остатков шелковых тканей шуровали худая и дородная дама. Первая пыталась протиснуться к отрезу, на котором была указана смехотворно низкая цена, вторая препятствовала продвижению соперницы. Ее тактику военные теоретики могли бы назвать позиционным сдерживанием, и осуществлялась она блестяще.

Шляпки, платья, все разновидности одежды и ткани имели тут своих адептов; ибо сцена напоминала не только военные действия, но и религиозное действо. С удобной точки на лестнице (пока меня не смыла новая волна энтузиастов и энтузиастов) я мог, кроме того, различать элементы регбийной схватки, базарного воровства и революционной анархии.

Люди прибывали и прибывали. С каждой новой толпой тех, кого газеты называют охотниками за дешевизной, в подвальчике делалось все жарче. Да, это действительно были охотники и охотницы, помимо всего прочего. Они приходили хорошо экипированные, с охотничьим снаряжением в виде больших, иногда окованных металлом чемоданов, имевших двойное назначение: ими расталкивали противников, и в них складывали добычу.

В целом англичане, кажется, люди спокойные – но только не здесь. Тихо вели себя лишь те, кто упал в обморок от духоты и, возможно, от негодования, которого тут было вдоволь.

Да! Некоторые особенности англичан поистине изумляют.

Изумление, конечно же, порождает еще более острый интерес. Познакомившись с английской замкнутостью, английским весельем и образчиком особого поведения толпы, я вот-вот должен был получить возможность взглянуть в самое сердце того, что называют Англией.

Королевский двор

Будучи представленным ко двору Его величества, я быстро усвоил две вещи. Первое: что красочность и пышность – достояние не одной Азии. Второе: что король Георг широтой познаний не уступает самым образованным людям из всех, кого я встречал. Разваливается ли империя, как утверждают иные? Судя по всему этому великолепию – нет. Пока еще нет.

Передо мной лежало королевское приглашение ко двору. Если не считать того, что оно было изысканнейшим образом напечатано, оно не отличалось от пригласительных карточек с позолоченной каймой, какие посылают многие. Но для нас, уроженцев Востока, важна не только внешняя сторона. За этими холодными буквами лежала могучая воля монарха; в них пульсировал, отдаваясь гулким эхом, голос величайшей империи на свете.

Во времена наших великих империй, таких, как империя Моголов, за получением подобного документа шли недели народных празднеств: «Нашему набобу доведется узреть, – распевали певцы в деревнях, которыми правил тот или иной наместник, – сияющий лик Тени Аллаха на Земле».

А мне было не по себе. Таковы мужчины с афганских гор: они скорее готовы стоять под градом пуль или рубить пришельцев длинным и острым как бритва шамширом. Вот когда они спокойны и беспечны. Так они воспитаны, и таков их инстинкт, таков их путь чести – путь сарацинского рыцаря.

Дело не в том, что у них не хватает изысканности манер для двора с его церемониальным блеском: у многих из нас есть собственные дворы с древними обычаями, уходящими вспять дальше всякой писаной истории. Однако я, исследуя свои переживания, понял, что соотношу предстоящую аудиенцию с тем, что испытал во время нескольких повергающих в священный трепет приемов на Востоке. Застынь как мертвец, не смей пошевелинуться ни на волос, чтобы взгляд властителя не пригвоздил тебя! Ибо любая голова может мигом слететь с плеч.

Лимузин подъехал сначала к воротам, потом к дверям, и мы вошли в Букингемский дворец.

Зал, где нам пришлось ждать, был полон гобеленов, знамен, гербов и оружия.

Рядом со мной сидел старый сельский джентльмен. К счастью, он молчал. За него разговаривала дочь. Как она ни пыталась, она не смогла прочесть мое имя на карточке: я держу ее вверх ногами, пожаловалась она театральным шепотом.

Судя по моей одежде, громко предположила она, я, наверно, эскимосский принц; а может быть, всего-навсего польский генерал.

Мимо пронесся высокий светловолосый придворный. Их величества скоро придут в тронный зал. Молодая дама spraysнула водой букет, поправила шляпку. Кто-то позади меня сказал соседу: «Выньте лучше из глаза монокль, он там не удержится!»

Раздалась звучная мелодия гимна «Боже, храни короля». Она доносилась по длинным коридорам из дальнего зала. Все встали.

Мы двинулись к монарху. Мои новые ботинки скрипели: «Кр-р-р... кр-р-р... кр-р-р...» В узком коридоре звук был слышен так явственно, что мне захотелось разуться. Мы миновали прихожую.

У меня взяли карточку, и полдюжины придворных передавали ее из рук в руки, пока она не попала к тому, кто стоял перед самым королем.

Я ждал, что мое имя, как обычно, будет исковеркано; потом услышал, как его произнесли с безупречной дикцией и с абсолютно верной интонацией:

– Саид Сирдар Икбал Али-шах.

Я подошел. Крепкое рукопожатие короля; моей нервозности как не бывало. Лицо императора озаряла благосклонная улыбка. Его военно-морская форма и свежее лицо оживляли атмосферу.

Позднее, на одном из «приемов в саду», я смог провести с их величествами больше времени. Король и королева гуляли среди гостей и успели поговорить со всеми. Они прохаживались очень непринужденно, и люди собирались вокруг них небольшими группами.

Стоя с чашкой чаю в руке и куря сигарету, король заговорил и со мной. Афганистан? Он знал, что река Гильменд три раза меняла русло. Его интересовали огромные древние высеченные в скале статуи Будды в Бамиане. Ему было известно и о буддийских ступах – афганских «пирамидах» – в районе Хайбера.

Голос у него был мягкий, приятный, может быть, чуть хриловатый. Главным, что меня пленило в монархе, была простота, неофициальность. Не то, чего ждешь от короля, и вместе с тем так по-королевски!

Беседуя с ним на просторной лужайке его чудесного, освещенного солнцем сада, я думал о величии. Оно не облекается в покров тайны – зачем ему это? Поистине король Георг, властвующий над сердцами своих подданных, – монарх в полном смысле слова.

«Покажите нам ваши сердца!» – сказал в тот день американец в вестибюле отеля. Я вспомнил об этом, когда мы ехали с приема, и подумал, что побывал близ сердца сердец этого народа...

Сирдар Икбал Али-шах

Афганский властитель принимает английского посланника

В начале XIX века достопочтенный Маунтстюарт Элфинстон, английский посланник, во главе делегации прибыл в зимний дворец Шах-Шуджи, правителя Дурранийской империи. Чауш-баши (главный церемониймейстер) очень старался освоить английские имена. А затем...

Он предупредил нас, что придворные церемонии требуют чрезвычайной учтивости, и очень просил в нужные моменты сообщать ему наши имена шепотом. Затем он провел нас по наклонному проходу и через ворота, после которых, зайдя за своего рода экран, мы вдруг оказались в обширном дворе. В верхнем конце его на возвышении стояла беседка, а в ней восседал монарх.

Двор был продолговатый, с высокими стенами, расписанными изображениями кипарисов, с прудом и фонтаном посередине. Властитель сидел в высокой беседке с колоннами и мавританскими арками на очень большом золотом или позолоченном троне.

Вначале нам показалось, что монарх одет в некую броню из драгоценных камней, но, приблизившись к нему, мы увидели свою ошибку: на нем был зеленый балахон с крупными цветами из золота и драгоценных камней, поверх которого висел большой бриллиантовый нагрудник в виде двух ирисов. Руки правителя выше локтя украшали два больших изумрудных браслета, и в разных местах на нем было много других драгоценных камней.

В один из браслетов был вделан Кохинур, один из самых больших алмазов на свете. Высота короны составляла примерно девять дюймов, и в целом она была настолько сложна и ослепительна, что понять ее строение было трудно, а описать ее – невозможно.

Вдоль стен двора с каждой стороны в три ряда выстроились гвардейцы, и в разных его местах, согласно рангу, стояли придворные.

Пол был устлан роскошными коврами, а по краям лежали шелковые, расшитые золотом полосы, на которых полагалось стоять ханам.

Вид из двора открывался превосходный. Прямо под ним располагался обширный сад с кипарисами и прочими деревьями, а дальше расстилалась равнина с богатейшей растительностью. Там и сям виднелись водоемы и блистающие ручейки, и всю картину обрамляли горы – одни темные, другие со снеговыми шапками.

Представ перед монархом, мы все сняли шляпы и отвесили ему глубокие поклоны. Затем мы воздели руки к небу, словно бы молясь за короля, после чего подошли к фонтану, где чауш-баши произнес наши имена без всяких титулов и почетных добавлений. Закончил он так: «Они прибыли из Европы как послы к вашему величеству, да обратятся на меня невзгоды ваши!»

Властитель ответил громким, звучным голосом: «Милости прошу», после чего мы снова вознесли за него молитвы и повторили церемонию еще раз.

Домой в Афганистан

Из неопубликованного дневника Сирдара Икбала Али-шаха – впечатления и предсказания перемен...

На холмах полыхали костры, воздух день и ночь оглашали ликующие залпы. Я попросил Мирбан-хана сделать так, чтобы люди вели себя поспокойнее: к чему эта пышность, какой в ней смысл? Я слышал, как он сказал начальнику одной из посланных для приветствия групп:

– Предписано соблюдать сдержанность и тишину.

– Почему? – спросил тот.

– Почему? Видимо, хазрат (высокая особа) не хочет пугать Кабул, создавая впечатление, что у нее есть хийял-и-падшахи.

Что у меня есть желание стать монархом? Я немедленно сказал Мирбану, чтобы они никогда этого больше не повторял, даже в шутку.

– Во-первых, это опасно, – сказал я. – Зачем вкладывать людям в голову подобные идеи? Во-вторых, в нашей семье никаких падишахов никогда не было. Я верный подданный нашего державного господина. Ислам требует, чтобы мы подчинялись поставленной над нами власти.

После этого (несомненно, по наущению Мирбан-хана), начальники групп, доставляющих назар (приношения) в виде золотых монет, все чаще и чаще, едва скрывая улыбку, использовали в обращениях ко мне наш старинный семейный титул бадшах (монарх).

– Так принято в Пагмане, – сказал Мирбан, – и это справедливо: даже при дворе в Кабуле пользуются этим титулом, говоря о членах вашей семьи.

На собрании духовных лиц в черных тюрбанах, когда у нас был большой пир с фейерверком, один высокопоставленный мулла сказал:

– В Афганистане значение имеют четыре вещи: деньги, родословная, происхождение от Пророка (мир Ему!) и сердца людей, готовых идти в бой или нести иную службу.

Я молчал. Он продолжал:

– Тот, у кого есть родословная, будет иметь и сердца и может получить деньги, которыми воспользуется с умом.

– Таких людей в нашей стране много, – ответил я, – и я уверен, что все они достойно и добросовестно исполняют свой долг под рукой нашего благосклонного и мудрого владыки.

У нас, как и в Европе прошлых веков, это очень старая традиция: постоянно прощупывать почву, проверяя, не зарождается ли основа для некой новой власти (или для возрождения какой-либо из бывших). Либо это желание, так сказать, сесть на поезд вовремя, либо, наоборот, рьяная готовность докладывать о новых веяниях в существующие центры власти в расчете на награду.

Разобраться в мыслях и речах афганца, стоя на западной точке зрения, по существу, невозможно. Невинные в ушах западного человека высказывания могут быть восприняты афганцами как опасные, и, что бы ты потом ни говорил, ты не разубедишь их в первоначальной интерпретации твоих слов.

В области международных отношений это проявлялось уже не раз. Сходным образом, западные люди сплошь и рядом неверно истолковывают слова и поступки афганцев; мне пришлось это видеть довольно часто. Поэтому, в общем и целом, политических заявлений делать не стоит: либо те, либо другие сочтут, что ты руководишься низменными мотивами...

Отчасти чтобы избежать дальнейших разговоров такого рода, я отправился в северные горы посетить крепости наших родичей. Повсюду мы видели танцы с саблями, выслушивали древние истории, инспектировали военные отряды, участвовали в грандиозных пиршествах.

Мой помощник Халимджан организовал дело так, что из многих, кто явился предложить свои услуги, вскоре создалась настоящая свита с пажами, посланцами, глашатаями, музыкантами... Когда я стал возражать, они сказали мне:

– Наши лица почернели бы от горя, если бы достопочтенный старейшина нашего рода путешествовал здесь как бродячий дервиш.

Это навело меня на мысль. Долгополое одеяние и меховую шапку я заменил на простую белую одежду и тюрбан, вследствие чего люди, продолжая оказывать мне знаки глубокого почтения, поняли, что у меня действительно нет притязаний на мирскую власть.

Однако афганские способы передачи того, что у человека на уме, продолжали действовать. Рассказчик историй посреди длинного повествования вдруг пускался в длинное описание какого-то вымышленного лица; и не случайно. Один из них, например, сказал приблизительно следующее:

– Много лет назад жил человек. Его род восходил к курайшитам; он был хашимитским эмиром. Благодаря его знатности и достижениям, когда он вернулся на родину из чужих стран, люди стали стекаться под его знамя. У него были сторонники среди пуштунов и таджиков, среди хазарейцев и нуристанцев, среди западных персов-шиитов и жителей Бадахшана и Вакхана.

Тут он внимательно посмотрел на меня, и мне пришлось сказать:

– Да, понимаю. Но продолжай же.

В Афганистане не принято приступать к обсуждению чего-либо без предисловий. Обычно они представляют собой довольно длинный рассказ о том, что привело к нынешнему положению вещей. Эта часть процедуры имеет место независимо от того, знает или нет другая сторона сообщаемые факты.

Так что мне приходилось выслушивать путанные экскурсы в афганскую историю, описания наших нравов и обычаев и даже предсказания будущих событий.

Прибыв в Кабул, я прежде всего должен был отдать дань почтения монарху, поблагодарить его за милости и напомнить ему о тех случаях, когда мне довелось послужить его великому отцу на международной арене. Только после этого я отправился в Пагман, город моих предков.

Молва бежала впереди меня, и все в Пагмане хотели знать, что же мы обсуждали с его величеством. Но ничего особенно важного между нами сказано не было, поэтому я отделивался общими фразами и для поддержания беседы рассказывал о своей встрече с королем Англии.

Племенные вожди из Кох-и-Даман [предгорий], иные из которых владели обширными землями, или рудниками, или крупными скотоводческими предприятиями, были озабочены разобщенностью этнических групп страны. Туркестан, к примеру, еще недавно находился под властью вице-короля; люди не симпатизировали афганцам, как они называли поставленных над ними администраторов, говорящих на пушту. Жители других северных районов – Катагана, Бадахшана – не забыли своих прежних правителей, и там были сильны сепаратистские настроения. Не считаю ли я, спрашивали меня, что узбеки из более равнинных северных областей захотят соединить свою судьбу с узбеками Советского Союза?

Нет, отвечал я: безбожный коммунизм не привлекает мусульман.

Герат, говорили мне, персидский город, многие тамошние жители – шииты, как и хазарейцы, родственные монголам и обитающие в горах в центре страны. Иран потратил миллионы золотом на разжигание среди этих людей сепаратизма. Возможно ли отпадение? Я отвечал, что, по-моему, нет.

А как насчет полосы земли на северо-востоке, граничащей с Китаем? Вакханский коридор может отойти китайцам, если Советы предложат его им в обмен на невмешательство в Афганистане. Мне ничего об этом не было известно.

Нуристан, сказал глава делегации из окрестностей Куна-ра, – одна из новых провинций Афганистана. Эти люди хорошо помнят, как их подчинил себе Абдуррахман-хан. Они всегда были врагами афганцев, это совершенно другой народ. Не присоединит ли их к себе Пакистан? Или даже Индия?

Я ответил, что считаю это маловероятным.

И напоследок седобородый вождь из южных приграничных земель заговорил о пуштунах. Нынешние кабульские власти – пуштуны из Кандагара и Пешавара. Второй из этих городов сейчас находится в Пакистане. К Пакистану отошла большая часть племенных земель. Что если жители Ягистана³ захотят присоединиться к Пакистану, соблазненные деньгами, преуспеванием и широкими возможностями?

– Что если луна сделана из сыра? – отозвался я.

– Наши суфийские вожди и наставники, – сказал мой собеседник, – всегда знают, что лучше для нас.

– Самое лучшее для нас, – сказал я, – это сильный, просвещенный и единый Афганистан, который мы все должны создавать и укреплять.

Эти слова вызвали общее одобрение – по крайней мере раздался общий одобрительный говор.

После поездки по стране, во время которой я посетил большую часть упомянутых мест, я решил обосноваться не в Пагмане, а в Кабуле, хотя Пагман – место более приятное, с великолепным климатом, и там живут мои родичи.

Модернизация Кабула шла стремительно; вид города менялся чрезвычайно быстро. Среди интеллигенции мои книги о нашей стране, исторические и иные, были хорошо известны. Живя простой жизнью в симпатичном доме, я посвятил себя делам Афганистана, оставив все прочие заботы в стороне.

Если бы честолюбие и энергия, в которых среди афганцев никогда не было недостатка, получили достаточно возможностей для реализации, старые властные элиты постепенно сошли бы со сцены – в этом я был уверен. Пока же, имея сравнительно мало способов проявить себя, люди продолжали искать политической, военной или иной власти.

Афганистан превращался в цельное национальное государство с изобилием талантов и непревзойденными материальными ресурсами. Я был убежден, что ему суждено стать одной из величайших стран всего мира, как в прежние века, когда он был одной из осей культуры и державного величия.

Большинство людей беспокоил вопрос: оставят ли Афганистан в покое на время этого перехода другие страны? Это внешняя часть картины. Внутренняя была столь же ясна. Афганские учреждения в частном секторе, коммерческие и иные, должны развиваться с феноменальной быстротой, чтобы дать применение талантам и энергии молодых людей, желающих улучшить свое положение.

Студенты, обучившиеся на Западе, стекались на родину и видели, по крайней мере иногда, что возможности не соответствуют ожиданиям. Администрации порой трудно было угнаться за переменами. Наша земля невероятно богата, но необходим был более быстрый темп развития при весьма ограниченных финансовых возможностях. Былые источники напряжения в стране не исчезли.

Одна из причин этого напряжения – то, что у нас очень долго не было единой национальной властной структуры. В результате таланты тяготели к более мелким образованиям – к владениям ханов, эмиров, саидов, где их награждали за службу. Централизованное государство не всегда могло привлечь к себе энергичных, способных людей.

³ Страна мятежников

Влиятельность этих местных властных группировок объясняется опять-таки исторически. Они образовались из множества разнообразных сообществ. Пуштуны, монголы, турки, таджики и прочие приходили и обосновывались на этой земле с последовательными волнами завоевания. У каждого сообщества – свои вожди, своя администрация, свои традиции, зачастую свой язык.

Афганистан, пусть и в усеченном виде, напоминал скорее империю, чем нацию. Национальный дух разгорелся вовсю, но имелись и сепаратистские тенденции, которые, по крайней мере иногда, поддерживались из-за рубежа.

Эта «империя» чем-то напоминала Англию в англосаксонскую эпоху, когда был король Англии, но были и другие независимые владыки, иной раз с королевским титулом. В одних отношениях наблюдалось сходство с Германией и Италией до объединения этих стран, в других – с Англией времен Иоанна Безземельного, когда местные бароны считали себя суверенами на своих землях.

Чем дальше, тем больше люди стали говорить, причем почти открыто, о неизбежном мусибат – бедствии. Слушая эти разговоры и не высказывая своего мнения, я пришел к мысли, что чему-то действительно суждено произойти. Спусковым крючком может послужить любое из многих обстоятельств. Вопрос – какое из них созреет первым.

И, несомненно, когда это произойдет, люди для объяснения выберут то, что будет лежать на поверхности, не понимая, что многие факторы взаимосвязаны. Если бы удалось достичь стабильности в одном, не случилось бы другое.

Афганистан – организм, включающий в себя много элементов. Будущее зависит от сочетания и взаимодействия разных обстоятельств и от того, удастся ли уменьшить разрушительный потенциал некоторых из них.

Когда я решил покинуть Афганистан из-за семейной болезни, на южной границе было беспокойно из-за пуштунского меньшинства в Пакистане. Последствия могли быть очень серьезными. Одновременно, как и в случае других неприсоединившихся государств, здесь шло соперничество восточной и западной сверхдержав (главным образом посредством программ помощи). Если какая-либо из них вышла бы из игры, возникшую пустоту заполнила бы другая.

Если бы отступились русские, люди Третьего мира могли бы подумать, что советское сотрудничество – явление временное. Если бы отступились англичане и американцы, русские попытались бы установить свое господство. В этом случае они запятнали бы себя в глазах развивающихся и исламских стран – разве только они сумели бы придумать какую-нибудь схему, придающую этому захвату власти легитимность, как они попытались сделать в старинных ханствах Центральной Азии, которые проглотили по частям.

Сегодня, в конце 1959 года, кажется вероятным, что Запад свернет свое сотрудничество с афганцами, поскольку он склонен поддерживать пакистанцев, которых, как говорят, Кабул язвит и дразнит в связи с пограничным вопросом.

Есть много шагов, которые все еще можно сделать, чтобы достичь примирения между Пакистаном, Афганистаном и пуштунами. Если западные государства примут упрощенное решение и исключат Афганистан из своей сферы интересов, может произойти крупнейшая катастрофа со времен Чингисхана.

Часть 2

Путешествия...

Перс: что мне сказать?

Иранский студент едет в Афганистан, изучает его легенды и оставляет там сердце...

О чем мне говорить, если я веду речь об Афганистане? О его заснеженных горных цепях – таких, как Гиндукуш или высокие горы Бадахшана, в складках которых прячутся легендарные рубиновые рудники? О грецких орехах восточных областей размером с мужской кулак; или о виноградинах величиной со сливу? О бесценных коврах с изощренным рисунком или о скромных подстилках кочевников, вытканых искусно и с любовью? Об армиях великих завоевателей, опрокинувших гордую Индию, и не единожды, а шесть десятков раз? О мудрецах Газни, Балха, Герата, Туркестана?

Да, друзья мои, я проехал весь этот благодатный край, пил из его чистейших горных ручьев, подпевал его чарующим певцам, видел поединки искусных борцов дальнего Ханабада, спал в худжере – гостевой комнате, которую даже в крохотной деревне предоставляют путникам бесплатно. Я насыщался огромными порциями божественного палау, ел бесподобные абрикосы, дыни, яблоки, гранаты. И я делил с горным пастухом в его хижине скудную трапезу из крутого яйца и сухой лепешки.

И как может тот, кто испытал все это, передать вам свои впечатления? Как ему выбрать главное, в чем содержится суть Афганистана?

Прежде чем отправиться туда, я, как и вы, слышал о свирепых горцах с их обычаями кровной мести, о суровых пустынях Регистана, где бился и побеждал храбрый Рустам из нашего эпоса, о громадных медведях-убийцах Хазараджата, об отважных потомках воинов Чингисхана, не боящихся никакого врага. Как и вы, я слышал об опасных долинах, о безжалостных грабителях, об афганцах, равно готовых и к жизни и к смерти. Конечно же, мне было боязно.

Но я был заинтригован; ибо мало кто из иранцев от куполов, минаретов и прелестей Исфахана, от суеты Тегерана, откуда мы видим сверкающую, вселяющую покой вершину Демавенда, пускается в путешествие в эту неведомую страну, чьи воины шли на нас под началом у безжалостных завоевателей, включая Тамерлана.

Я был и прав и неправ, как любой, кто опирается только на чужие слова. Афганистан – это, прежде всего, страна непримиримых контрастов. Летом в Кабуле вы изнываете от жары, но, проехав совсем немного на север, вы наслаждаетесь бодрящим горным воздухом Кохистана. Близ Кандагара вы будете умирать от жажды, но в прелестном Пагмане, угнездившемся у подножия Гиндукуша, вам покажется, что вы находитесь среди райских рек и садов. Если вы чем-нибудь не понравитесь бандиту, он ограбит вас. Но на одного такого вы найдете сто достойных, благородных, богобоязненных персон; ибо афганец, беден он или богат, – поистине персона.

Пустившись в путь из нашего иранского Хорасана, из священного Мешхеда, я очень быстро ощутил вкус воздуха, почувствовал красоту афганского языка. Первая наша большая остановка была в Герате. Над этим красивым торговым городом, полным садов, господствуют величественная мечеть и поразительные здания – подлинные земные сокровища со времен Тамерлана. Здесь, кроме того, находится гробница Ансари, «князя мыслителей», великого суфийского богослова.

Южнее и восточнее, на земле воинственных пуштунов, не слишком благосклонных к Ирану, лежит Кандагар. Здесь влиятельный Саид Сабир-шах короновал первого афганского

шаха – Ахмад-шаха Дуррани. Здесь, кроме того, в величественном здании, окруженном красивыми садами и водоемами, покоятся плащ Пророка и его знамя, которые выносят только в случае опасности или войны. Если бы я стал описывать вам изобилие плодов, орехов, овощей, вкуснейших блюд из баранины, вы бы все равно мне не поверили, так что двигаюсь дальше.

Из Кандагара я направился на север – в Кабул, проезжая места поразительной красоты, будь то леса или равнины, долины или нагорья, будь то поля, где зрел урожай, или Газни, старинный державный город Махмуда, жемчужина Востока, с его громадным суровым замком. Там, в гробнице Махмуда Газневи, я увидел огромные доспехи и знамя, с которыми великий правитель шел в битву. Я отдал дань почтения окружавшему его созвездию воинов и мыслителей, и прежде всего великому Фирдоуси, который посвятил Махмуду свою «Книгу царей».

Кабул, чье зарождение скрыто в глубинах истории (согласно легенде, его построил Каин, убивший Авеля), лежит среди гор, которые, вместе с рекой Кабул, рассекают его надвое. Здесь люди из всех частей страны – таджики, пуштуны, туркмены, язычники и прочие – встречаются и перемешиваются, занимаясь торговлей, учебой, государственным управлением и проводя досуг.

Город красив, хорошо расположен, в нем много радующих глаз строений. Прекрасное зрелище представляет собой величественный дворец Арг; стоящая на холме крепость Бала-Хиссар возникла в такой глубокой древности, что никому не известно, кто ее построил.

Из Кабула я двинулся дальше на север – через Гиндукуш, в туркестанские земли. Здесь я осмотрел Балх, «мать городов», где родился великий поэт Руми. Город, ныне разрушенный, был в свое время, судя по всему, одним из величайших на свете. Остатки дворцов и мечетей, учебных заведений и минаретов, садов и колодцев, базаров и площадей для смотра войск столь многочисленны, что едва ли кто-нибудь когда-нибудь сосчитал или сосчитает все это. Сколько же сокровищ, должно быть, лежит в этой земле, чьи хозяева перед нашествием монголов Чингисхана поспешно закапывали свои богатства – золото, драгоценные камни, – а затем гибли под копытами нахлынувших орд...

В Туркестане я увидел, кроме того, священный город Мазари-Шариф с его огромной мечетью и учебным заведением, чье здание, облицованное голубой плиткой, должно считаться подлинным чудом света. Правоверные стекаются сюда почтить память Хазрата Али, зятя и преемника Пророка.

Вся эта северная территория, которая примыкает к реке Окс (Амударье), изобилует равнинами, где разводят великолепных каракулевых овец с черным, белым и даже золотым руном, где делают бесподобные туркестанские ковры, где пасутся лошади одной из лучших пород на свете. Здесь, кроме того, выращивают лучшие на Востоке дыни, здесь возделывают хлопок и десятки других культур. Тюрки – первоклассные земледельцы и дисциплинированные воины. Некоторые из лучших афганских бойцов родились в Туркестане.

А что мне сказать о Ханабаде – «ханском городе», откуда на северо-восток по горным проходам Вакхана отправляются в Китай караваны? Скажу только, что там я повстречал мудрых суфиев, богачей и бедняков, не делающих притом между собой никаких различий, и вкусил от их великого ума. В Ханабаде я увидел редкие изделия, сохранившиеся от времен, когда там был обширный греческий храмовый комплекс, привлекавший паломников из многих мест. Там я ел вкуснейшие тутовые плоды из всех, что мне доводилось пробовать, пил зеленый чай с кардамоном и розоватым каймаком – особыми сливками, которые умеют делать только на севере. Я отдыхал в тамошних прекрасных садах и слушал музыку многих местных ансамблей, перемежавшуюся стихами и древними легендами, которые звучали из уст длиннородых рассказчиков, порой певших под ситар, дол и уд.

Мое путешествие продолжалось шесть месяцев. На что же я жил, переписчик и студент из бедной семьи? Меня передавали из рук в руки: суфий писал рекомендательное письмо начальнику почты, мулла – купцу, земледелец – коневоду. Сам же я не истратил ни гроша.

Многие афганцы бедны, но любой готов разделить с тобой трапезу и кров. Если у меня не было рекомендации, я шел в мечеть и сообщал о себе служителю. Тот говорил про меня мулле, и он после богослужения объявлял собравшимся о моем приезде. Это обеспечивало мне ночлег – только надо было перетерпеть толкотню людей, соперничавших за честь принять чужестранца. «Путники – гости Аллаха», – гласит одна из их пословиц.

ЯповидалДжабалас-Сирадж, основанный Александром Великим, и высеченные в скале статуи Будды в необъятной и красивейшей долине Бамиан. Высота этих колоссов – около пятидесяти метров. Поразительное зрелище! Тысячи пещер были вырыты здесь для монахов, живших до возникновения Ислама.

Я побывал в знаменитых горах Кох-и-Даман к северу от Кабула. Там меня приветствовали потомки Руми и великого Абу Бакра. Я увидел могучих борцов, танцы с саблями, лошадиные скачки и все состязания, которыми афганцы славятся по всему миру. Там, как и в других местах Афганистана, люди живут в крепостях с высокими стенами и бойницами. Чаще всего это твердыни ханов, которые правят племенами или территориями.

Еще более гостеприимные, чем большинство афганцев, здешние ханы щедро одарили меня и приняли с великим почетом, как важное лицо. Они направили меня в Пагман, во владения своих родичей, славнейших суфийских учителей и воинов. Пагман, который расположен чуть северней Кабула, надо увидеть, чтобы поверить рассказам о нем. Поистине это преизобильный край: богатейшие урожаи, непревзойденные плоды, стойкие патриоты и мудрые законоучители. С древнейших времен, при любой господствующей религии, здесь был духовный центр страны.

В Пагмане можно увидеть великий замок Джан Фишана, хашимитского саида прошлого столетия, представителя блистательного рода вождей, прозванных Шах-Саз (Творцами владык). Да будут благословенны они сами и их Дом!

О прекрасный Афганистан! О несравненный народ его! Вы подарили счастье бедному путешественнику. Незначительному человеку, оказавшемуся на этой земле, вы дали почувствовать, что он чего-то стоит. Хотя, пожалуй, наоборот. Почтив меня гостеприимством, вы показали свое величие и выявили мою нескромность. Ибо мне недостает смирения (а кому достало бы?), чтобы оценить ваши достоинства сполна.

Что мне сказать об Афганистане? Брат мой, любая попытка выразить чувства, которые я испытываю, обречена на провал. А что я скажу афганцам?

Некогда мы были подобны вам.
Когда-нибудь, волею Аллаха,
Мы снова вам уподобимся.

Русский: поездка полковника Гродекова ⁴

В сентябре 1878 года я подал командующему войсками Туркестанского военного округа рапорт об увольнении меня из Ташкента в отпуск в Одессу и Петербург и о разрешении проследовать в Россию чрез Афганистан и Персию. <...> На замечание генерала Кауфмана, что мне придется долго ждать разрешения эмира Шир-Али, я доложил, что вместо того чтобы ждать это разрешение в Ташкенте, не лучше ли мне выехать оттуда вместе с нарочным, который повезет письмо генерал-губернатора к эмиру: нарочный будет ехать значительно скорее, чем я; <...> таким образом, пока я доеду до Мазар-и-Шерифа, местопребывания генерал-губернатора афганского Туркестана, нарочный успеет съездить в Кабул и привезти в этот город разрешение Шир-Али-хана на мой проезд. Генерал Кауфман согласился на мои доводы, и я, снабженный открытым листом за подписью и печатью генерал-губернатора, выехал из Ташкента в Самарканд на почтовых <...>.

Меня сопровождали: 1) в качестве переводчика и слуги, теймур Мустафа Рахметулин, родом из Гюлистана, около Мешхеда. <...> Знает три языка: персидский, тюркский и русский; 2) персиянин Ибрагим мулла Гуссейнов, родился в Самарканде; <...> 3) киргиз Сергиопольского уезда Уразалы Кожанбергенов. Говорит по-русски, исполнял обязанность конюха.

Вооружение наше состояло из кавалерийской берданки со ста патронами и револьвера Смита-Вессона с двенадцатью патронами. Впоследствии, в Мазар-и-Шерифе, были приобретены два афганских ножа, а в Мешхеде двустволка.

Перевозочные средства составляли: четыре верховые лошади, по одной на каждого, две вьючные и одна запасная, всего семь.

Я не прибегал к переодеваниям и путешествовал в форменной одежде. Я не скрывал ни своей народности, ни чина, ни маршрута, по которому предполагал следовать. <...> Всякий маскарад только мог повредить делу, при неудовлетворительном знании мною восточных языков и при полном незнании обрядовой стороны, которая сопровождает каждый шаг мусульманина. <...>

5-го октября, после полудня, я прибыл на Аму-Дарью, к туркменскому селению Патта-Кисар, где существует переправа на каюках. На афганском берегу, ко времени моего приезда в Патта-Кисар, никого не было. Приблизительно часа через два на левом берегу показались всадники и началась установка двух кибиток. Бухарские чиновники тотчас сообщили мне, что кибитки предназначаются для моего приема, а всадники для конвоирования меня в Мазар-и-Шериф. Этому сообщению я охотно верил. <...>

На другой день, 6-го октября, я с своими людьми и лошадьми на каюке переправился на афганский берег. Здесь меня встретил ишагасы⁵ Шах-Севар-хан с офицерами кавалерийского взвода, прибывшего накануне, и пригласил в кибитку. <...> Я направился к ближайшей, у которой стояли часовые; но лишь только подошел к ней, как один часовой занес над мою голову саблю. Недоумевая, что это значит, я попросил объяснения ишагасы, и тот мне ответил, что в эту кибитку вход воспрещен, так как в ней сидят арестованные. <...>

Войдя в следующую кибитку, мы расселись на ковре. После обычных поздравлений с благополучным приездом и вопросов о моем здоровье ишагасы спросил меня: кто я такой, куда еду и зачем? В ответ на это я подал ему свой открытый лист, в котором на языках русском, персидском и тюркском было изображено следующее: «Предъявитель сего, полковник Гродеков, в сопровождении своих служителей, с разрешения моего, отправляется в Россию, чрез

⁴ Нижеследующий текст представляет собой выдержки из путевых записок полковника генерального штаба Н. И. Гродекова «Чрез Афганистан» (СПб, 1880 г.).

⁵ Камергер. (Прим. Н. И. Гродекова.)

Афганистан и Персию. Поэтому я прошу всех начальников, которые будут находиться на пути следования полковника Гродекова, оказывать ему содействие и покровительство. Сентября 21-го дня 1878 года. Ташкент. Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа генерал-адъютант фон-Кауфман 1-й».

Прочитав этот документ, ишагасы сказал, что мне придется подождать здесь, на берегу, может быть дня два, пока не придет разрешение луинайба⁶ на пропуск меня в Мазар-и-Шериф. <...> Я заранее уже решил, что ни под каким видом не останусь здесь ждать и одного часу; и если бы не было разрешено тотчас ехать в Мазар-и-Шериф, то я переправлюсь обратно на бухарский берег <...>. Все это я и высказал ишагасы, добавив, <...> что странно не пускать меня вперед, когда афганские подданные у нас ходят где хотят, когда наши государи находятся в дружбе <...>. Ишагасы ответил, что в России свой закон, а в Афганистане свой <...>.

Видя мое упорство, ишагасы приходит просто в отчаяние; он хочет задержать меня хотя на несколько часов: велит зарезать барана и готовить обед. Но я отказываюсь от обеда; говорю, что буду есть только на следующей станции; наконец возвышаю голос <...>. Я потому позволял себе такую резкость, что боялся, как бы афганский начальник уступки мои не принял за слабость; затем мой высокий чин кернеля⁷, а главное, дружественные отношения между Россией и Шир-Али давали мне уверенность, что ишагасы никакого насилия не посмеет надо мной учинить. Шах-Севар-хан поник головою и стал громко рассуждать сам с собою: «Пустить его вперед – может быть беда, не пустить – может быть еще хуже; <...> хорошо, поедем; только вы должны знать, что из Мазар-и-Шерифа вас не выпустят без разрешения эмира». – Это до вас не касается, ответил я ему: – в Мазар-и-Шерифе я буду иметь дело с луинайбом, а не с вами. Через полчаса мы тронулись в путь.

<...> Сначала около трех верст дорога идет по сырой местности, затопляемой во время разливов Аму-Дарьи и поросшей камышом и кустарником патта. С третьей версты начинаются пески <...>. Пески тянутся на протяжении 35 верст, до начала развалин города Сиягирда. <...>

Под впечатлением нашего разговора на берегу Аму-Дарьи ишагасы был в самом мрачном настроении духа. Я первый заговорил. <...> На вопрос: «Будет ли допущено в Кабул английское посольство?», ишагасы отвечал: «Ни за что на свете». – «Ну, а если англичане объявят вам войну?» – «Мы справимся с ними, как справлялись уже не раз». <...>

В Сиягирде меня поместили в одном доме, рядом с ишагасы. <...> Когда уже смерклось, я вышел на двор, поговорить с офицерами. Один из часовых громко сказал: «Если бы была моя воля, то этого кафыра⁸ я изрубил бы в куски!» Эти слова были произнесены в присутствии двух офицеров, и они не сделали часовому никакого замечания, хотя не могли не знать, что если я не понимаю по-персидски, то понимает мой переводчик и что он мне все передаст. Передав слова часового, Мустафа добавил от себя, что нет ничего мудреного, если кто-нибудь приведет желание солдата в исполнение, так как убийца кафыра наверно сделается святым. <...>

От Сиягирда до Мазар-и-Шерифа оставалось 18 верст. Мы встали поздно, часов около шести. Я вышел умываться на двор; афганцы собрались смотреть на процесс умыванья. Когда дело дошло до чистки зубов щеточкою, любопытные спросили: «Из чего она сделана?» Мустафа ответил: «Из свиной щетины». Все присутствующие начали отплевываться. Вследствие этого я сделал уступку: на будущее время решил умываться в комнате или в палатке.

Мы выехали в восемь часов утра. Через час движения перед нами открылись в отдалении Тохтапул, Мазар-и-Шериф и Туримар. Четыре голубые минарета в Мазар-и-Шерифе ясно обозначались среди серых построек этого города. Наш путь лежал прямо на святилище; но подходя

⁶ Таково звание генерал-губернатора афганского Туркестана, которым в мое посещение был Хош-Диль-хан. <...> (Прим. Н. И. Гродекова.)

⁷ Полковника. <...> (Прим. Н. И. Гродекова.)

⁸ Неверного.

к городу, мы свернули с дороги и пошли целиком через поля <...>. Стало ясно, что афганцы не желают, чтобы я проехал мимо святыни. Когда мы подошли к самому городу, то ишагасы приказал солдатам обнажить сабли. Затем мы следовали по городу в таком порядке: впереди три солдата, потом трубач, все время игравший сигналы, я рядом с ишагасы, Мустафа и наконец взвод. Я спросил ишагасы: для чего солдаты обнажили сабли? Он отвечал: «Для вашей безопасности: наш народ дикий, необузданный, мало ли что может случиться». – Ну вот, вы приняли меры предосторожности против покушения на меня со стороны жителей; а позвольте вас спросить: какие вы меры приняли против покушения на мою жизнь со стороны ваших солдат? <...> Не буду ли я прав, если скажу, что вы хотите показать в городе, что я ваш трофей, т. е. ваш пленник. – «Думайте, что хотите; но я вас должен доставить целым и невредимым; я отвечаю за каждый волос, который упадет с вашей головы». <...>

Наконец мы приехали к дому, который предназначен был для моего жительства. В этом самом доме жили члены нашего посольства, в июле 1878 года, в ожидании разрешения Шир-Али-хана прибыть в Кабул. <...> Мы, т. е. я, ишагасы, два офицера и один дафадар (десяточный унтер-офицер) вошли в описанные комнаты и здесь ишагасы объявил, что эти комнаты, а также весь двор предоставляются в полное мое распоряжение. Уселись на полу. Подали чай. Я предложил его ишагасы и прочим офицерам; но они от чаю отказались. Когда я выпил одну чашку, мои посетители поднялись и начали прощаться, желая мне всего лучшего. Я поблагодарил всех за заботы обо мне во время пути и просил ишагасы доложить луинайбу, что я готов ему представиться хоть сегодня; даже очень желаю видеть его сегодня. Ишагасы, заметив, какой я беспокойный человек, обещался доложить мою просьбу Хош-Диль-хану, но сомневается, чтоб он принял меня сегодня; по всей вероятности, прием последует завтра. <...>

Оставшись наедине, я вышел на двор осмотреть свою резиденцию. Двор имел 150 шагов длины и 75 ширины. Во всю длину его пересекал широкий арык, у которого росли шесть великолепных чинаров. По другую сторону арыка, в тени одного из чинаров, сделано было искусственное возвышение из глины, покрытое алебастром. Здесь же росло несколько персиковых и абрикосовых деревьев. Двор был посыпан песком и содержался в большой чистоте. Все здания, в одном из которых устроена баня, были необитаемы. <...>

Осмотрев двор и строения, я пошел было через соседний небольшой дворик на следующий, где оставил своих лошадей; но был остановлен одним афганцем, который почтительно доложил мне, что я туда входить не могу. Смотрю: из калитки соседнего двора выглядывают пехотинцы с ружьями. Я понял, что ко мне приставлен караул. Я вернулся на свой двор, а вслед за мною вошел секретарь луинайба, Магомет-Мусин-хан, за которым несли два кресла, обитые кожей. Отрекомендовавшись, что он приставлен ко мне луинайбом, Магомет-Мусин-хан просил обо всем, что только мне будет нужно, обращаться к нему, сам же он будет заходить ко мне каждый день. Затем он сказал, что луинайб, зная, что русские не привыкли сидеть по-восточному, посылает мне два кресла. Потом началось представление людей, назначенных служить при мне. Таких людей оказалось семь: назир (расходчик, мажордом) Али-Риза, старик; комнатный слуга, он же заведывающий чаем и кальяном, Яр-Магомет; повар, его помощник, судомойка, дворник и банщик. <...> «Отныне вы гость эмира Шир-Али хана», – сказал мне Магомет-Мусин-хан. Потом задал те же вопросы, которые задавал ишагасы на берегу Аму-Дарьи: кто я такой, зачем приехал и пр. Попросил мой вид, прочитал его и спрятал к себе в карман, говоря, что покажет его луинайбу. Я спросил, когда луинайб назначит мне аудиенцию. Магомет-Мусин-хан ответил, что он об этом еще не знает, но пойдет испросить приказаний. Позвав Яр-Магомета, он потребовал себе чаю. Ему подали чайник и чашку другие, чем подавали мне. <...> Эта посуда была чистая; я же пил из той, которая была опоганена членами нашего посольства. Из подававшейся мне посуды не пили и приставленные ко мне афганцы, а по их примеру перестали употреблять ее и мои люди: киргиз Уразалы и персиянин Ибрагим. <...>

Али-Риза и Яр-Магомет тотчас принесли обед, состоявший из плова с анисом и бараниной, супа из баранины и соуса, баранина с капустой. Все это было прилично <...>. После обеда подали арбузы и дыни, наконец чай <...>. Мои люди были крайне недовольны афганским угощением. Пришли жаловаться и на то, что баранины дали мало, и на то, что плов был холодный. Заодно заявили, что проклятый афган не дает лошадям клевера, отпускает только солому, а им, людям, не позволяет сходить в мазар помолиться Богу. <...>

Как раз в это время пришел Магомет-Мусин-хан и сообщил, что луинаиб примет меня завтра, 8-го октября, в 8 часов утра. Я принес жалобу насчет неудовлетворительности пищи. Магомет-Мусин-хан позвал Али-Ризу, сделал ему строгий выговор и погрозил, что в случае новой жалобы он лишится ушей.

На другой день, в половине восьмого часа утра явился Магомет-Мусин-хан, чтобы провожать меня к луинаибу. Я надел мундир. Мы тронулись во дворец генерал-губернатора в таком порядке: впереди, шагах в десяти, шли двое пеших солдат, за ними я, потом Магомет-Мусин-хан, Мустафа и наконец десять пеших солдат. <...>

Дорога, по которой мы шли, была полита водою, а на улице, которая пересекала наш путь, стояли полицейские, имевшие назначение никого не пропускать во время нашего следования. Оказалось, что я жил шагах в 600 от дома генерал-губернатора. При входе в дворцовый сад стоял часовой в красном мундире и отдал мне честь. Здесь сопровождавшие меня хазадары⁹ были остановлены, и мы продолжали путь втроем (я, Магомет-Мусин-хан и Мустафа). На всех перекрестках дорог обширного сада стояли часовые; таких часовых я насчитал 14; на самом деле их больше. При прохождении мимо часовых Магомет-Мусин-хан жестом показывал им, чтобы они отдавали мне честь. Перпендикулярно к дворцу, против открытой галереи, где должен был происходить прием, выстроена была рота пехоты так называемых парадеров. Парадеры – это дворцовая гвардия <...>. Люди были одеты в красные суконные мундиры с желтыми воротниками, погонами и обшлагами и белыми кантами по борту, воротнику и обшлагам, белые бумажные штаны, башмаки на босу ногу и войлочные каски с металлическими звездами на лбу. <...> Народ все рослый, видный. <...> Лица совершенно напоминают наших старых гвардейских солдат, когда у них усы и баки нафабрены. Офицеры одеты в темно-синий однобортный сюртук, черные штаны и войлочную шляпу с широкими полями, обернутую голубою кисеею. Я прошел по фронту; чести не отдали.

Подойдя к дворцу и поднявшись на несколько ступеней, я очутился в обширной галерее, уставленной по стене креслами, совершенно такими же, какие были присланы ко мне на квартиру. Пол галереи был покрыт коврами. Хош-Диль-хан сидел на кресле. При входе моем на галерею он встал и сделал несколько шагов навстречу. Мы подали друг другу руки, и луинаиб пригласил меня сесть рядом с ним. Кроме нас на галерее сидели в отдалении: Магомет-Мусин-хан и мирза низам¹⁰ Сафар-этдин.

Луинаиб Хош-Диль-хан генерал-губернатор обширной провинции, в состав которой вошли все узбекские ханства, находившиеся между Аму и горами Бадахшан. Луинаиб для своего высокого положения очень молод. Ему всего тридцать лет. Это красивый мужчина с черной бородой, по афганскому обычаю, коротко подстриженной; роста выше среднего; крепкого телосложения. Он был одет в синий двухбортный сюртук с костяными пуговицами, синие штаны, лакированные сапоги, войлочную каску и белые нитяные перчатки; шея была повязана голубым шелковым платочком. <...>

По обычаю, существующему в Средней Азии я осведомился о здоровье эмира Шир-Али-хана; но, к удивлению своему, не получил встречных вопросов о здоровье Государя Императора и туркестанского генерал-губернатора. <...> Я прямо заявил луинаибу, что желаю как

⁹ Милиционеры, ополченцы.

¹⁰ Должность, соответствующая нашей начальника штаба. <...> (Прим. Н. И. Гродекова.)

можно скорее тронуться в путь <...>. Луинаиб ответил, что без разрешения эмира он не может меня пустить в Герат.

– Когда же можно ожидать этого разрешения? – спросил я.

– В летнее время, – отвечал он, – наши чапары ходят в Кабул и обратно в шесть дней. Теперь в горах, по кабульской дороге, выпал большой снег и потому доставка депеш должна замедлиться.

– Однако ж чрез сколько времени можно надеяться получить ответ из Кабула при настоящем состоянии пути?

– Чрез восемь, десять, двенадцать, даже четырнадцать дней.

– И столько времени мне придется ждать здесь, в Мазар-и-Шерифе?

– Да.

– Конечно, я могу свободно ходить по городу и окрестностям его во время этого ожидания?

– Нет; я не могу вам позволить выходить из вашей квартиры.

– Почему?

– Потому что боюсь за вашу безопасность. Вы не знаете нашего народа; он дикий, необузданный, того и гляди, что вас убьют. Представить себе не можете, сколько вы принесли мне беспокойства вашим приездом; теперь я не могу спокойно спать, зная, что вы здесь, в гостях у эмира и что с вами может случиться что-нибудь недоброе. А тут еще новое известие: другой офицер¹¹ едет в Бадахшан. Я просто не знаю, что и делать.

– Если я принес вам столько беспокойства, то, самое лучшее, я уеду на бухарский берег и там буду ждать разрешения Шир-Али-хана. <...>

– Теперь я не могу вас выпустить на бухарскую сторону. А что будет дальше, сам не знаю: это зависит от эмира.

– Почему вы не можете отпустить меня на бухарскую сторону?

– Потому что вас никто не просил сюда приезжать.

Признаюсь, этот отказ и этот оригинальный мотив к отказу до того меня поразили, что несколько времени я не нашелся что отвечать. Прежде всего мне пришло в голову, что я пленник и что надо бежать.

– Значит, я ваш пленник, – сказал я, – значит, я не ошибался, говоря вашему ишигасы, что он хочет показать народу, какой трофей добыл он. Вы говорите, что я ваш гость, а держите меня взаперти; так нигде не обращаются с гостем. Странная у вас манера насильно удерживать гостей. Ваши люди в нашей земле ходят куда хотят и делают что хотят. <...>

– У вас свой закон, у нас свой.

– Я буду писать генералу Кауфману. Надеюсь, письмо дойдет по назначению.

– Письмо будет отправлено.

Затем я встал, чтоб откланяться. Луинаиб просит посидеть. «Разве вам скучно со мной?» – сказал он. Я принял эти слова за насмешку и заметил, что в моем положении стыдно ему надо мной смеяться. Луинаиб сконфузился; стал оправдываться, что слова его я не так понял; он полагал, что мне лучше сидеть здесь, на людях, чем одному в своей квартире; что он сегодня же пошлет нарочного в Кабул и что если я имею написать что-нибудь нашему посланнику, то письмо мое с этим же нарочным будет отправлено. Спросил, где служу, в каких был походах и за что получил ордена и медали. <...>

Придя домой, я написал письмо генералу Разгонову, в Кабул, прося его выхлопотать как можно скорее разрешение Шир-Али-хана на пропуск меня в Герат. Передав письмо Яр-Магомету для отсылки к луинаibu, я созвал своих людей и передал им свой разговор с Хош-Дильханом. Конюх Ибрагим предложил свои услуги доставить письмо в Самарканд; но я сказал ему

¹¹ Полковник Матвеев. (Прим. Н. И. Гродекова.)

на это: если бежать, так бежать всем, ибо бегство одного ухудшит положение нас, остающихся на месте; пока подождем, посмотрим, привезут ли мое письмо к генералу Кауфману.

На другой день, 9-го октября, Магомет-Мусин-хан пришел рано утром и от имени луинайба попросил мой мундир, покррой которого понравился Хош-Диль-хану и он выразил желание сшить себе такой же¹². Мундир был отдан и на следующий день возвращен.

9-го и 10-го октября я писал донесение генералу Кауфману. 11-го утром, по обыкновению, пришел Магомет-Мусин-хан. Я подаю ему письмо и прошу отправить его в Самарканд. Он не принимает. Почему? Потому что луинаиб не может посылать мои письма с особым курьером; придется ждать, когда будет получена почта из Кабула; тогда и мое письмо отправят. Это меня взорвало. Я окончательно стал убеждаться, что я пленник, что мне отказывают в возможности дать знать о себе в Самарканд. В этом убеждении меня утверждало еще то обстоятельство, что после аудиенции 8-го октября караул при моей квартире был усилен пятью человеками; что в ночь с 8-го на 9-е на дворе у моих комнат появился часовой; что в ночь с 9-го на 10-е, кроме этого часового, был поставлен новый пост и что Яр-Магомет стал спать в моей комнате у дверей. Независимо этого, чтобы сделать меня совершенно беззащитным, Магомет-Мусин-хан накануне переманивал моего переводчика Мустафу на афганскую службу, предлагая ему большое жалованье и почетную службу во дворце эмира Шир-Али-хана. Я дал волю своему гневу: упрекал афганцев во лжи, недобросовестности, измене; я найду дорогу к Шир-Али-хану; наверно он не одобрит принятых Хош-Диль-ханом против меня мер. Наконец я сказал Магомет-Мусин-хану, что не желаю его больше видеть у себя. Покорно, не говоря ни слова, он встал и вышел из комнаты. После этой сцены он заболел и больше не показывался.

Я опять созвал своих людей, очертил им то положение, в котором мы находимся, и спросил их мнение. Все отвечали, что готовы идти со мною, куда бы я ни приказал. На общем совете решили: ждать ответа из Кабула самый большой срок, т. е. четырнадцать дней, считая с 8-го октября, дня отправления чапара к эмиру; если к 22-му октября ответа не последует, то это значит, что нас держат в плену и в ночь на 23-е число мы должны выйти из Мазари-Шерифа, направляясь к бухарской переправе Каркин; запастись огнестрельным оружием, а если его добыть нельзя, то холодным.

Холодное оружие (два афганских ножа) было добыто чрез кузнеца-узбека, призванного мною дляковки лошадей; огнестрельное же оружие он не соглашался принести ни за какие деньги. <...>

Мы стали изучать топографию окружающей местности. Арык, протекавший чрез мой двор, выходил из соседнего двора, отделенного высокою, сажени в три, стеною; для прохода арыка в этой стене было сделано отверстие, достаточное вполне, чтобы пролезть человеку. На соседнем дворе жило семейство, состоящее из мужчины, женщины и двух детей. Соседний двор выходил на улицу и был обнесен со стороны ее стенкою в сажень высоты. Часовых, выставляемых на ночь у моей квартиры, можно было обойти, пройдя насквозь все строения, до стены, у которой было отверстие. Больше всего нас смущал Яр-Магомет, спавший у двери в моей комнате. Выбравшись из города, мы должны были иметь направление на северо-запад; первый день скрываться в песчаных барханах; ночью идти; если бы удалось набрести на туркменское кочевье, то украсть лошадей и затем скакать сколько вынесут кони.

Утром, 13-го октября, Яр-Магомет с сияющим лицом сообщил мне, что вчера вечером прибыл чапар из Кабула и что сегодня отправляется почта в Бухару; следовательно, может быть отправлено и мое письмо в Самарканд, на имя генерала Кауфмана. Хотя письмо я отдал, но не надеялся, чтобы оно дошло по назначению; я полагал, что это все отвод глаз.

15-го октября, вечером, луинаиб пригласил меня к себе. <...>При моем приближении луинаиб встал и приветствовал меня пожатием руки. Он слышал, что я скучаю, и потому

¹² Уж не этот ли мундир попался англичанам в Кабуле и наделал им столько тревоги? (Прим. Н. И. Гродекова.)

пригласил меня, чтобы хотя сколько-нибудь развлечь. Не желаю ли я послушать афганской музыки? <...>Первую пьесу, которую сыграли музыканты, луинаиб назвал селямом, т. е. приветствием в честь меня. Я поблагодарил. Затем они играли последовательно тихий, обыкновенный и скорый марши, во время которых, по просьбе моей, рота маршировала. Затем луинаиб сообщил мне, что музыканты больше ничего не знают, что музыка сформирована недавно и что музыканты учатся по нотам. Играли согласно и фальши не было слышно. <...>По поводу предстоящего столкновения с англичанами луинаиб заметил, что афганцы одни справятся с ними и возвратят себе не только Пешавер, но и Кашмир. На вопрос «Примет ли Шир-Али-хан в Кабул английское посольство?» луинаиб отвечал: «Нет, ни за что, никогда!»

Луинаиб спросил, не нужно ли мне чего, доволен ли я содержанием. Я попросил дозволить моим людям сходить в мазар помолиться, но получил отказ. Почему? ведь мои люди одеты в мусульманское платье, и если мне угрожают опасности, так как я в русской форме, то им ничего подобного не грозит, у них на лбу не написано, что они русские и пришли со мною. Ответ: нельзя. <...>

Томительно тянулись дни сидения нашего в Мазар-и-Шерифе. Рассчитывая на безостановочное путешествие и желая иметь как можно легкие выюки, я не взял с собою ни одной книги. От нечего делать перечитал все старые газеты, в которые были обернуты некоторые вещи. Часто брался за лопату и чистил арык. Каждое утро заметал ненавистные мне следы часовых на песке, ходивших ночью около моей квартиры. <...>Узнав из разговоров с Яр-Магометом, что в Мазар-и-Шерифе есть публичные танцовщицы, я просил, с разрешения луинаиба, привести их ко мне. Последовал ответ, что они уехали на свадьбу в Таш-Курган. На просьбу привести заклинателя змей последовал ответ, что в настоящую пору года они уже спят. Приходилось удовлетворяться сказками, которые поочередно рассказывали мои люди. <...>Кормили меня и моих людей хорошо.

18-го октября Ибрагим, по обыкновению приходивший с докладом о состоянии лошадей, заметил, что сегодня лошади как-то особенно бодры, играют, должно быть чувствуют поход. 19-го, утром, на обычный вопрос Яр-Магомету: не прибыл ли нарочный из Кабула? получил ответ: не прибыл. Но в полдень приходит Магомет-Мусин-хан и ровным голосом, как будто говорит самую обыкновенную вещь, передает мне, что сейчас только прибыл курьер из Кабула, привез столь желанное мне разрешение Шир-Али-хана и что я сегодня же должен выехать в четыре часа пополудни. Затем Магомет-Мусин-хан удалился, обещаясь зайти еще раз и сообщить о распоряжениях, которые будут сделаны Хош-Диль-ханом относительно моего путешествия. Через час он вернулся и сказал, что я самый почетный гость эмира, что меня велено беречь как зеницу ока, для чего мне будет дан конвой; все путевые расходы эмир принимает на свой счет; до самого Герата меня будет сопровождать джамадар (поручик) Мир-Али-хан; <...>от Меймене, где большая опасность со стороны туркмен, конвой будет увеличен до 300 человек; во внимание к моему чину при конвое будет постоянно находиться адъютант (подполковник, помощник командира полка). Он, Магомет-Мусин-хан, об одном только меня просит: слушаться начальника конвоя, так как, что он ни сделает, будет клониться к моей безопасности и моему благополучию. <...>

Я выразил желание перед отъездом проститься с луинаибом; но Магомет-Мусин-хан сначала ответил, что генерал-губернатор болен, а потом, когда я повторил желание видеть его, он сказал, что Хош-Диль-хану некогда, он считает деньги. <...>

Поблагодарив Магомет-Мусин-хана за все его заботы обо мне и вручив ему подарок и большой запас хины, я с ним простился и больше его не видел. Вспоминая теперь про этого человека, я примиряюсь с ним: он был верный слуга своего господина и в точности исполнял его приказания.

Около четырех часов пополудни прибыл назначенный сопровождать меня до Шибирхана аджютан кавалерийского полка Абасси, Ахмед-Али-Аддижан, и доложил, что конвой готов и ожидает меня у ворот. <...>

Сев на лошадь во дворе, я выехал на улицу, вдоль которой был выстроен конвой. Конвой этот состоял из двух джамадаров, четырех дафадаров и сорока рядовых. <...>

Отношения между солдатами и офицерами напоминают такие же отношения, существующие в турецкой армии. Если афганский офицер пьет чай, то несколько солдат подсядут к нему; если он курит кальян, то все солдаты соберутся около него и ждут очереди; <...>если солдат закурит трубку, то офицер попросит покурить. <...>Я встретил только одного офицера, который держал себя далеко от солдат. Это аджютан змеинового полка, Гамид-хан, по происхождению сеид, т. е. потомок пророка. Но здесь, вероятно, играл роль не столько его чин аджютана (аджютан Ахмед-Али-Аддижан держит себя на равной ноге с солдатами), сколько его происхождение. Товарищеские отношения между начальниками и подчиненными, сколько можно заметить, не вредят службе: солдат беспрекословно повинуетя офицеру и также беспрекословно переносит его побои. <...>

Наших лошадей, так долго застоявшихся в Мазар-и-Шерифе, насилу можно было сдерживать. Мы двигались южнее Тохтапула и Ширабада, в некотором от них расстоянии, прошли кишлак Дидаади и остановились на ночлег в степи <...>. Здесь, на ночлеге, я был поражен тем вниманием и тою предусмотрительностью, которые выказал Магомет-Мусин-хан при снаряжении меня в поход. Во-первых, кроме джамадара Мир-Али-хана, при мне назначены были состоять: два повара, один нечто в роде судомойки и один конюх. Во-вторых, для меня везли: две палатки¹³, шубу, походную кухню, ковры, паласы, умывальник, огромной величины и веса подсвечник, сальные свечи, чайники металлический¹⁴ и фаянсовый, чашки и пр. Все это поднималось на трех ябу (вьючных лошадей). На случай, если бы мои вьючные лошади отказались служить, двое казенных ябу велись в поводу.

На первом же ночлеге я почувствовал, что действительно состою почетным гостем эмира Шир-Али-хана и что все старания сопровождающих меня лиц клонятся к тому, чтобы мне только было хорошо и спокойно. <...>Даже лошади мои испытали на себе силу этого приказа: вместо соломы им стали отпускать один клевер. Это до того избаловало моих людей, что они постоянно требовали клевер, даже в таких местах, где его нельзя было достать ни за какие деньги, и чрез это у них выходили пререкания с Мир-Али-ханом, который приходил жаловаться. Мои конюхи не стали больше вести вьючных лошадей, а передали поводья афганцам; сами же ехали по сторонам и только покрикивали. <...>

Дорога совершенно ровная. <...>В десяти верстах от Дидаади дорогу пересекает река Балх, известная населению под именем Банди-барбари. Банди значит запруда; под именем же барбари у афганцев слывут дикие народы, обитающие по северным склонам Паропамиза и Гиндукуша. <...>

На 38-й версте мазар Зайнал-Обедин-Беймар и при нем рабат (заезжий дом). Здесь похоронен святой, имя которого носит мазар. Он родной брат Имам-Ризы, похороненного в Мешхеде. <...>Монахи ходят почти голые и носят длинные волосы. Кругом святилища цветник и сад. Шагах в двухстах находится рабат. Я вошел в святилище как был, т. е. в сапогах. Никто мне не сказал ни слова. Солдаты молились очень усердно; некоторые пришли в исступление: бились головами о гробницу и об пол, громко рыдали. <...>Подшел ко мне один монах, родом из Лагора, и спросил, не англичанин ли я? Я ответил. Оказалось, о существовании русских он никогда не слышал. Затем он начал интересоваться, много ли денег у русских, столько ли, сколько у англичан. <...>

¹³ У меня была своя палатка. (Прим. Н. И. Гродекова.)

¹⁴ В форме кувшина. (Прим. Н. И. Гродекова.)

21-го октября предстоял большой переход до селения Сальмазар, находящегося в трех верстах к югу от Шибирхана. <...>Селение Сальман имеет до сорока дворов. Жители узбеки занимаются хлебопашеством. Все селение вышло к нам навстречу и просило остаться здесь ночевать. Поднесли лепешки, арбузы, дыни. Когда я объявил, что не могу остаться, то мне подвели барана. <...> Дорога пересекла два небольшие перевала, и мы вышли в долину, шириною от двух до трех верст, обставленную невысокими горами с мягкими очертаниями. <...>За неимением воды для орошения, здесь нет пашен.

Нам то и дело попадались сайги. За одним стадом, бежавшим на юг, поскакали четыре солдата. <...>Стреляли в стадо, но безуспешно. <...>

Сальмазар – селение в сорок дворов. <...>Вокруг Сальмазара много садов. Повсюду великое изобилие воды. В Сальмазаре есть могила какого-то святого. В трех верстах от Сальмазара к северу лежит город Шибирхан.

Мы прибыли в Сальмазар, когда уже солнце садилось. В отведенном мне помещении в саду, к приходу моему, была разбита огромная двойная палатка и приготовлены чай, обед и мягкая постель. Всем этим я обязан начальнику Шибирхана, джернелю (генералу) Кадыр-хану, командовавшему войсками, взявшими четыре года тому назад Меймене.

Из Сальмазара конвоировавшие меня солдаты полка Абасси должны были возвратиться в Мазар-и-Шериф, а дальнейшее сопровождение меня до Меймене возложено было на людей полка Гуссейни, квартирующего в Шибирхане. Новый конвой, под начальством меджира (майора) Гулам-Магомета, ожидал меня уже в Сальмазаре и, по прибытии нашем сюда, тотчас же сменил старый конвой. <...>

При сотне находился аджютан Гамид-хан, сеид по происхождению. Физиономия этого человека резко отличалась от физиономий афганцев; манеры его необыкновенно изящны; платье сидело на нем чрезвычайно ловко. Я невольно сказал Гамид-хану, что он не афганец. Он мне с гордостью ответил: «Я араб». Как потомку Магомета, ему оказывают особенное почтение и даже офицеры целуют у него руки. <...>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.